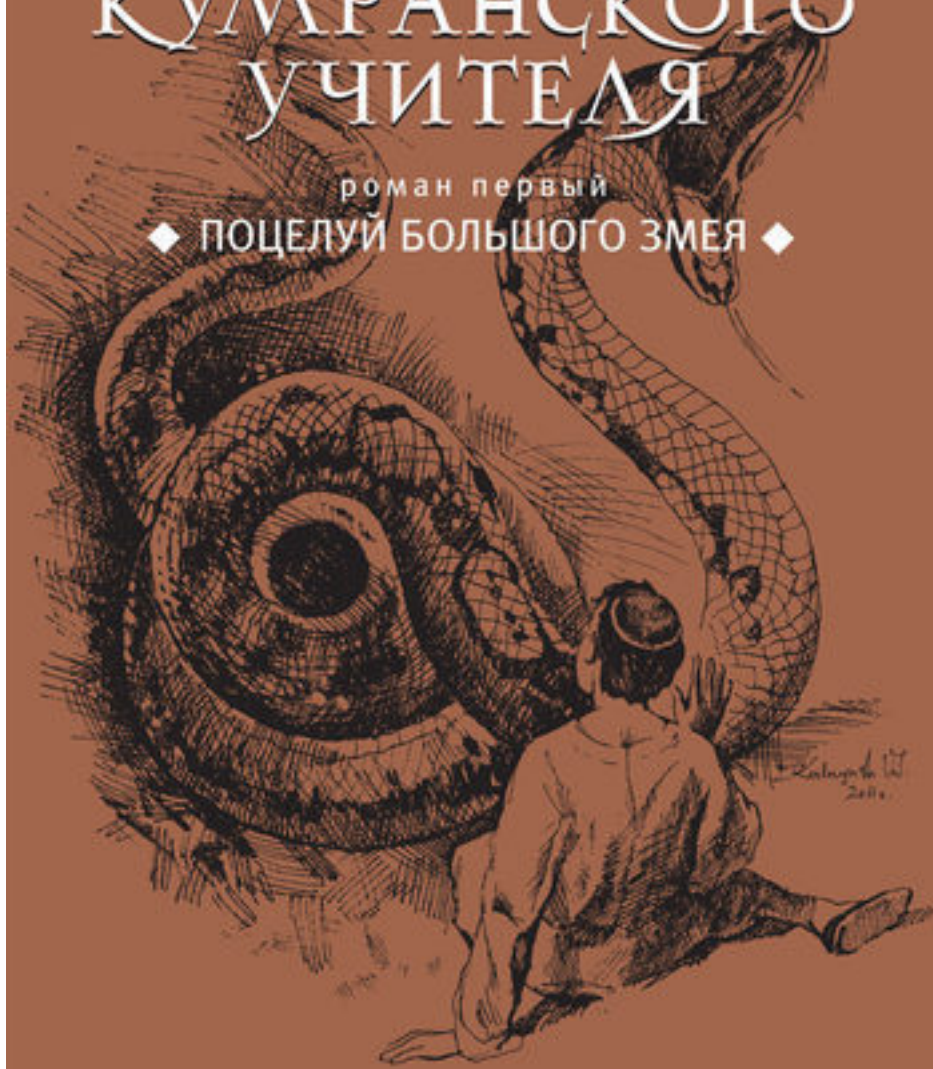

Яков Шехтер

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ КУМРАНСКОГО УЧИТЕЛЯ

роман первый

◆ ПОЦЕЛУЙ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ ◆

Второе пришествие кумранского учителя

Яков Шехтер

Поцелуй Большого Змея

«Автор»

2011

Шехтер Я.

Поцелуй Большого Змея / Я. Шехтер — «Автор»,
2011 — (Второе пришествие кумранского учителя)

ISBN 978-5-9691-0658

В руки писателя при экстраординарных обстоятельствах попадает старинный дневник. Археолог, который нашел его и создал подстрочник, просит придать невероятному историческому документу удобочитаемую для современников форму. За дневником охотится некая тайная организация. Но остро-детективную интригу наших дней совершенно затмевают те события, что произошли, по всей видимости, два тысячелетия тому назад. Герой романа, автор дневника, юноша необычайных способностей, приходит в обитель кудесников, живущих в подземельях на берегу Мертвого моря. Похоже, что он — тот, кто впоследствии станет основателем одной из главных религий мира...

ISBN 978-5-9691-0658

© Шехтер Я., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава I	11
Глава II	15
Глава III	25
Глава IV	32
Глава V	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Яков Шехтер

Второе пришествие кумранского учителя. Кн. 1 Поцелуй Большого Змея

Февраль 2011

Голос Александра жужжал в телефонной трубке, словно шмель, накрытый стаканом.

– Это жизненно важно, – повторял он. – Пожалуйста, позвольте все вам выложить.

С Александром мы были едва знакомы и, увидев на табло сотового телефона его имя, я несколько секунд раздумывал, снимать ли трубку. Стоял жаркий зимний вечер, компьютерный файл с версткой моей новой книги, вычитанной всего до половины, укоряюще светился на экране. Верстку ждали в издательстве, и отвечать на необязательный звонок попросту не хватало времени. Но что-то толкнуло меня нажать кнопку приема, и об этом поступке мне придется размышлять до самого конца жизни.

Александр работал в иерусалимском музее Книги реставратором кумранских рукописей. Мы познакомились, когда я собирал материал для романа. Реставратор оказался малоразговорчивым, замкнутым человеком. Посидев с ним полчаса за столиком кафе, я понял, что ничего толком узнать не удастся, и стал прощаться.

– Почему публикация рукописей Мертвого моря занимает так много времени? – спросил я напоследок. – Ведь бедуинский мальчик залез в пещеру шестьдесят лет тому назад!

Александр только покачал головой.

– Во-первых, свитков очень много. Во-вторых, их состояние весьма плачевно, по существу, мы работаем с почти двадцатью тысячами фрагментов, которые приходится собирать, точно огромный пазл. А в-третьих, – тут он тяжело вздохнул. – В-третьих, существуют причины, о которых я не могу говорить.

– Орден розенкрейцеров не позволяет? – усмехнулся я.

– Да, что-то в этом духе.

Мы немного пошутили о теориях конспирации, ангелах и демонах, кодах да Винчи, прочей ерунде и расстались, обменявшись номерами телефонов и электронными адресами. Вернувшись домой, я внес емелю реставратора в Outlook Express и, решив связаться с ним при удобном случае, забыл о его существовании.

Прошло два года, и вот мой сотовый завибрировал, высветив имя и фамилию Александра.

Его голос звучал взволнованно.

– Я никак не решался позвонить. Но дело не терпит отлагательств. Это жизненно важно!

Я посмотрел на часы и решил, что, пожалуй, успею до утра вычитать верстку.

– Конечно, конечно, говорите.

Александр вздохнул с облегчением.

– Не могу вам всего объяснить, но недавно я закончил большую работу, труд нескольких лет и... – тут он запнулся.

– Поздравляю, – сказал я. – А о чем идет речь?

– Понимаете, – продолжил Александр, – поток кумранских рукописей не прекращается до сих пор. Бедуины постоянно обшаривают пещеры и расселины в районе Мертвого моря. За каждый свиток платят очень и очень большие деньги. Пещер там неисчислимое множество, и раз в несколько лет, помимо всякой ерунды и подделок, к нам попадает настоящий документ. Так вот, в середине семидесятых Музей приобрел кувшин с четырьмя слипшимися в одно целое свитками. Палеографические данные и внешние признаки позволяли с уверенностью отнести их к тому же времени, когда был написан основной корпус рукописей.

– А что вы называете палеографическими данными? – уточнил я.

– Ну, вид пергамента: из козьей или овечьей кожи, тип чернил, шрифт, вид и материал чехлов, куда были упрятаны свитки. А главное, конечно, синхротронный рентгеновский анализ.

– Какой, простите, анализ?

– Специально для нашего института разработали очень сильный ускоритель Diamond, вырабатывающий сверхъяркие рентгеновские лучи. Они свободно проникают сквозь молекулярную структуру пергамента, но задерживаются на вкраплениях железа в чернилах. Компьютерная программа позволяет обрабатывать послойные изображения манускриптов и создавать на их основе трехмерные модели.

– Мне эта техника пока ничего не говорит. Что дают эти модели?

– С их помощью расшифровывают невидимые снаружи надписи неразвернутого свитка. Приблизительно, конечно, расшифровывают. Если текст, по предварительной оценке, заслуживает внимания, начинаются реставрационные работы. Свиток нарезают на тонкие полосы и начинают отшелушивать друг от друга слои пергамента. Вот этим-то я и занимался.

– Замечательная служба, – сказал я. – Значит, скоро мы узнаем, что написано в этих свитках?

– Узнать можно уже сегодня. Но боюсь, что до широкой публики эти тексты никогда не доберутся.

– О! – подбодрил его я. – Вот теперь начинается самое интересное.

– Интересное... – Александр тяжело вздохнул. – Кому интересное, а кому... В общем, то, о чем говорится в моих четырех свитках, может сильно повлиять на общепринятые представления о главной религии европейской цивилизации. Как только свитки стали читаемы, информация, несмотря на запрет, сразу просочилась наружу. В общем, – он слегка запнулся, – руководство института подверглось серьезному давлению.

– А в чем цель давления? Закрутить свитки обратно и снова запрятать в пещере?

– Да, что-то вроде этого.

– И кто же давит? Израильское правительство?

Александр снова вздохнул.

– Если бы. С правительством мы бы договорились.

– Все ясно – на сцене дрессированные розенкрейцеры и ряженные тамплиеры под руководством Дэна Брауна. Вы меня разыгрываете, Александр.

– Хотелось бы.

– Так кто же на вас давит?

– Извините, но об этом я не могу с вами говорить.

– Ладно, не можете, так не можете. Тогда объясните, как эти свитки могут повлиять на главную религию европейской цивилизации? Вы ведь христианство имеете в виду?

– Да, христианство.

– Похоже, у вас в институте потихоньку развилась мания величия. Подумаешь, раскопали еще четыре папируса. Разве мало их покоится в музеях мира? Девяноста девяти процентам христиан нет до ваших папирусов ни малейшего дела.

– Не папирусов, а пергаментов, – поправил меня Александр. – А свиток свитку рознь. Понимаете, современный человек и без того не страдает избытком совести. Канаты морали, держащие на привязи животные страсти, давно превратились в тонкие бечевки. Обрыв еще одной жилочки может оказаться решающим.

– Решающим для чего?

– Для всего, – очень серьезно ответил Александр. – Для всего. Те, кто оказывает давление на руководство института, вовсе не злодеи и не террористы. Они преследуют самые лучшие, самые высокие цели. Чего, правда, я не могу сказать об их средствах.

– Итак, – разговор затягивался, а количество невычитанных страниц верстки продолжало оставаться угрожающе большим. – Что же вы хотите мне рассказать?

– Да нет, рассказывать придется очень долго. Речь скорее идет о показе. Несколько месяцев назад я окончательно застеклил свитки и сделал точные фотокопии.

– Окончательно что?

– Застеклил. Ну, это такая технология. Восстановленный фрагмент запаивается между тонкими пластинами из органического стекла. Воздух перестает поступать, и процесс разрушения останавливается.

– Так вы хотите показать мне фотографии свитков?

– Тоже нет. Вы бы не смогли их прочесть. Хотя они написаны шрифтом, похожим на нынешний, и язык вроде знаком, но каллиграфия совсем другая, и чтоб научиться понимать такой текст, нужно потратить много времени и сил.

– Но тогда что вы хотите мне показать?

– Я загнал снимки в компьютер, и специальная распознающая программа перевела их на современный язык. Конечно, это предварительный, машинный перевод. Ни один серьезный исследователь им пользоваться не станет. Но для того, чтобы получить предварительное представление, он вполне годится.

– Ну, это совсем другое дело. Присылайте скорее, я с удовольствием читаю.

– Да, да, – Александр запнулся. Он словно хотел сказать еще что-то, но не решился.

– Тамплиеры мешают? – подсказал я.

– Знаете, – со вздохом произнес Александр, – поначалу эта история казалось мне фантастической. Но после вчерашних событий фантастика превратилась в трагедию.

– А что произошло вчера?

– Вот этого я и не могу рассказать.

Мое терпение лопнуло.

– Послушайте, Александр, – сказал я довольно жестким тоном. – Вы оторвали меня от важной и срочной работы. Для чего? С целью сообщить о том, что не можете ни о чем рассказывать?

– Не сердитесь, – попросил Александр. – Я бы никогда не стал вас беспокоить, но из людей, связанных с прессой, я знаком лишь с вами. А положение мое такое, что...

Он замолк.

«Бедняга или двинулся, расшифровывая рукописи, – подумал я, – или действительно вокруг него закрутилась необычная история».

– Да я не сержусь. Но сами посудите, вы звоните мне и пытаетесь угостить обломками маятника Фуко.

– Чем угостить? – удивился Александр.

– Историями из романа Умберто Эко.

– Извините, не читал. В последние годы я просматриваю только книги по специальности.

– Понятно.

Мы помолчали. Я перевел глаза на экран компьютера и сразу заметил опечатку. Пальцы сами потянулись к клавиатуре, но тут Александр снова возник из тишины эфира.

– В общем, если вы не против, я сейчас пошлю вам по электронной почте файл с расшифровкой четырех свитков. Почитайте, посмотрите.

– С удовольствием, – сказал я. – И это все, чего вы от меня ожидаете?

– Ну-у, – Александр снова вздохнул. – В общем-то, пока все. Это на всякий случай, понимаете. Мало ли что. Вы человек известный...

– Вы имеете в виду, что со мной тамплиеры будут осторожны?

– Скорее всего, да.

– Ладно, посылайте, почитаю. Но не быстро, у меня тут куча дел накопилась и, честно признаюсь, на иврите я читаю куда медленнее, чем по-русски.

– Да ради Бога! – вскричал Александр. – Когда вам будет удобно. Только подтвердите, пожалуйста, получение письма.

– Подтвержу, отправляйте.

Письмо пришло через пять минут. Грузилось оно довольно долго. Александр не удержался и вложил в текст Ворда с десяток фотографий застекленных фрагментов, чем очень утяжелил файл.

Я пробежался по нему курсором, убедился, что файл открывается до самого конца, быстро отстучал подтверждение, нажал Reply и забыл об Александре.

Спустя две недели после разговора я шел по улице, размышляя над послесловием к книге, которое издатель неожиданно потребовал написать. Проходя мимо магазина, торгующего бытовой техникой, я бросил беглый взгляд на витрину и замер. На меня смотрело искаженное гримасой ужаса и боли огромное лицо Александра.

Спустя мгновение лицо исчезло и по замелькавшим кадрам я понял, что смотрю на экран огромного телевизора, показывающего сводку новостей. Пока я вошел в магазин, чтобы услышать голос диктора, речь шла уже о спорте.

– Что случилось? – спросил я у продавца, лениво подпирающего холодильник в ожидании посетителей.

– Теракт в Иерусалиме. Неизвестный ударил ножом прохожего и скрылся. Неизвестный... – продавец презрительно хмыкнул. – Новое определение арабов.

– А что с пострадавшим? – спросил я.

– Убит на месте. Нападавший, разумеется, скрылся. Полиция прочесывает соседние кварталы. Найдут они его, как же!

Губы продавца искривила усмешка.

Я дождался следующей сводки новостей, но Александра больше не показали. Однако диктор назвал его фамилию, и сомнения рассеялись. Мой знакомый был убит ударом ножа в спину, а убийца бесследно исчез.

Вернувшись домой, я рассказал жене всю историю моих недолгих отношений с Александром.

– Надеюсь, ты не думаешь, – с подозрением спросила она, – будто причиной его смерти послужили те самые четыре свитка?

– Конечно, нет, – сказал я...

Вечером, когда я добрался до середины послесловия, мой сотовый снова завибрировал. Я посмотрел на него с суеверным страхом. На табло возникла надпись Private. Тот, кто звонил, сделал свой номер невидимым.

«Звони, звони», – подумал я и продолжил работу. Но телефон не унимался. Через пару минут мои нервы не выдержали, я схватил телефон и с раздражением поднес к уху.

– Вас беспокоят из полиции. Отдел борьбы с терроризмом, инспектор Сафон, – произнес кто-то с сильным итальянским акцентом.

– Слушаю вас.

– Я бы хотел обсудить с вами некоторые моменты, касающиеся прошлого убитого сегодня господина Александра Акермана. Не будете ли вы любезны спуститься вниз и подождать машину, которая подберет вас не более чем через десять минут.

Я похолодел. Мне уже доводилось встречаться с сотрудниками отдела борьбы с терроризмом, правда в совсем ином качестве, и я примерно представлял себе их лексику. Человек с таким акцентом, выражающийся столь книжным языком, не мог быть инспектором этого отдела.

– Простите, – сказал я, с трудом ворочая языком, – но сегодня мне нездоровится.

– Хорошо, – с неожиданной легкостью согласился инспектор Сафон. – Тогда я пошлю за вами машину завтра в то же время.

«Что за ерунда! – чуть не вырвалось у меня. – Почему нужно вызвать человека на беседу ночью? Разве полиции не хватает дневных часов?»

Нет, человек на том конце провода не мог быть полицейским.

– Завтра я тоже не смогу. И вообще, если вы хотите беседовать со мной, пришлите официальную повестку, и я приду на встречу со своим адвокатом.

– Зачем такие формальности, уважаемый господин? – огорчился собеседник. – Мы всего лишь хотели узнать, какую информацию передал вам две недели назад по электронной почте господин Акерман.

– А какое это имеет отношение к его гибели? – спросил я.

– Мы не знаем, какая именно ниточка приведет нас к преступнику, – вежливо ответил мнимый инспектор. – Поэтому проверяем все возможные направления. Понимаете, все, – и рассчитываем на вашу помощь.

– Простите, но в ближайшие дни я буду очень занят. Почему мы не можем обсудить интересующий вас вопрос по телефону?

– Я объясню это вам при личной встрече, – пообещал собеседник и отключился.

Смешливое настроение жены точно ветром сдуло. Некоторое время мы молча сидели за столом, глядя друг на друга. В голове неотвязно крутились слова Александра: «Поначалу эта история казалось мне фантастической. Но после вчерашних событий фантастика превратилась в трагедию».

– Как отыскать черную кошку в темной комнате, – вдруг спросила жена. – Особенно, если ее там нет?

– Не знаю, – честно признался я. – И вообще, мне сейчас не до кошек и конфуцианства.

– Очень просто, – сказала жена. – Нужно принести ее с собой.

– То есть?

– Кто-то ищет эти рукописи. Кто-то не хочет предавать их огласке. Ты никогда не сумеешь доказать, что не получал от Акермана файл. Тем более, что ты его действительно получил. Значит – выход один.

Она помедлила и внимательно посмотрела на меня.

– Да, выход один. Ты садишься за компьютер и за два, три, десять дней переводишь текст на русский язык. После этого рассылаешь по издательствам и журналам. В ту минуту, когда тайна перестает быть тайной, инспектору Сафону ты становишься совершенно неинтересным.

– За десять дней перевести такое количество текста? Это невозможно!

– Десять дней – максимальный срок, не вызывающий подозрений. Я всем буду говорить, будто ты заболел и не вылезает из постели. Мы закроем наглухо жалюзи, а ты не станешь отвечать на телефонные звонки. Следующее свое действие они предпримут не раньше, чем через десять дней. За это время ты обязан успеть!

И я принялся за работу. Конечно, сделать ее можно и нужно было куда лучше. Но я просто не мог себе позволить шлифовать лексику героев повествования, наделяя каждого личной интонацией, я спешил передать суть рассказа. Да простит меня читатель за то, что все действующие лица говорят похожими фразами, разве я мог в эти сумасшедшие дни и ночи заботиться еще и о красоте изложения!? Мною двигали куда более существенные и, надеюсь, понятные соображения, чем законы литературы. И если текст, который вы сейчас будете читать, покажется вам корявым, а герои косноязычными – не судите строго автора, ведь он думал не о хорошей прозе, а о спасении собственной жизни.

Глава I

Рождение дара

Моя мать, добрая и благородная женщина, обладала удивительным воображением. Картины, возникавшие в ее голове, события, которые она себе представляла, тут же становились родными сестрами реальности. Она не обманывала ни себя, ни других, она искренне и свято верила в придуманный ею мир, и первой страдала от его несовпадения с нашей действительностью.

Она была удивительной рассказчицей, и ей страстно хотелось передать слушателям восторг перед миром, порожденным ее фантазией. Я хорошо помню томительные вечера в нашем домике, когда отец, быстро засыпавший после ужина, оставлял нас вдвоем. Мать переносила грубый глиняный светильник к моей постели, усаживалась рядом и, поглядев несколько минут на трепещущий язычок пламени, начинала рассказывать. Огонек блестел и переливался в ее глазах, нежные мягкие губы смешно изгибались, то обнажая в улыбке влажно сверкавшие зубы, то рассерженно собираясь куриной гузкой.

Я слушал, как зачарованный. Мать рассказывала о Давиде и Голиафе, о царе Шауле и ведьме, о войнах Маккавеев, о египетских казнях и рассечении Красного моря. И как-то так получалось, что я оказывался прямым потомком главных героев каждого повествования. Одним вечером мать выводила наш род из чресел царя Давида, но уже на следующий я оказывался родственником старого Матитьягу Хасмонея, поднявшего бунт против греческого владычества. Явные противоречия ничуть не смущали мою мать. Много позже я как-то спросил отца:

– Как мы можем одновременно быть потомками царя Давида и первосвященников из рода Леви?

– Это мама тебе рассказала? – вместо ответа спросил отец.

– Да, мама.

Отец хмыкнул.

– Видишь ли, сынок, весь наш народ произошел от Авраама и Сарры, следовательно, все мы родственники. В большей или меньшей степени, но родственники.

– Но ведь все люди произошли от Адамы и Евы, – не унимался я. – А значит, все мы уже в той или иной степени родственники.

– Ты прав, сынок, – отец погладил меня по голове и закончил разговор.

Отец казался мне великаном. Он и вправду был высокого роста, с жилистыми, крепкими руками, коротко остриженной по есеейскому обычаю головой. В его длинной окладистой бороде серебрились первые признаки подступающей мудрости, но глаза горели веселым, живым огнем. Рассказы матери он выслушивал с добродушной улыбкой и сразу после их окончания всегда переводил разговор на другую тему.

Мое детство прошло под звуки материнского голоса. События дня отступали перед красочностью вечерних рассказов. Мать не просто воспроизводила события, она их представляла: глазами, руками, подергиванием плеч, подъемом голоса. Я смотрел на тени, мечущиеся по тускло освещенным стенам нашего домика, а в это время перед моими глазами вставали пестрые, полные жизни улицы Иерусалима, цветущие поля Галилеи, белые колонны Храма.

Потом, оказавшись на тех самых улицах, пройдя пешком через сады Галилеи, побывав в Храме, я увидел, насколько мир, куда в детстве приводила меня мать, был красочнее, веселее, добрее и лучше, чем настоящий. Мать распоряжалась в нем, повелевая царями, пророками и целыми народами по своему пониманию и усмотрению, и это получалось удачнее, чем у подлинных царей и священников. Она правила мудро и справедливо, милосердная царица мира,

добрая мать всего сущего, и престол будущего царствования по праву принадлежал мне, единственному наследнику и обожаемому сыну. Вселенная существовала для нас двоих, и такая мелочь, как родословная, ничего не весила на точнейших весах справедливости, коими определялись в этой Вселенной заслуги моей матери.

Наверное, самым правильным было бы оставить волшебный мир только для нас, но радость, гордость и восторг, подступающие к горлу матери, иногда перехлестывали через край. Завистливые люди плохо воспринимали ее рассказы о событиях в нашем мире. Им почему-то казалось, будто, говоря о воображаемом, мать претендует и на реальное. Возможно, поэтому мы постоянно переезжали, меняя заброшенный домик у края одной деревни на точно такой же у края другой.

Мои родители, третье поколение детей Света, скрупулезно придерживались законов, оставленных Учителем Праведности. Детям Света не пристало смешиваться с сынами Тьмы, пусть и те и другие относятся к народу Завета. Поэтому мы никогда не селились в городе или в центре деревни.

Наша семья не принадлежала к аристократии ессеев, ведь идущие путем духа дают обет безбрачия, поэтому само понятие семьи у детей Света отсутствует. Моя мать страшно гордилась тем, что два ее брата стали избранными и поселились в Хирбе-Кумран.

Ессеи – благочестивые целители, – так называют избранных, удалившихся от суеты и грязи мира в прохладную тишину кумранских подземелий. Мать упоминала братьев с трепетом в голосе и не уставала повторять, что, возможно, и я удостоюсь чести поселиться в святилище праведных и пристанище чистых. Но для этого необходимо... За этим следовал такой перечень качеств, которые требовалось в себе развить, и ступеней, по которым долженствовало вскарабкаться, что у меня сразу пропадало желание даже видеть белые стены Хирбе-Кумрана.

Возвышенная жизнь праведников вовсе не волновала мое воображение. Я не хотел покидать мир, в котором находился: цветной, шумящий мир, наполненный светом и тенью, ароматами цветов и щебетом птиц. Что же касается мечты, то стоило сумеркам наполнить комнату, как я тут же переносился в мир моего воображения и занимал в нем любое место, от чистейшего избранника Света до осла, влекущего вязанку дров в столовую Хирбе-Кумрана.

Все изменилось в одно мгновение. Мне было тогда десять лет, стояло раннее утро весеннего месяца ияр, и сквозь перекошенные жалюзи в наш домик струились желтые полосы солнечного света. Отец уже ушел на работу, мать, проводив его, прилегла отдохнуть. Обычно мы с ней засыпали поздно, ведь в нашем мире каждый вечер происходило множество событий, требующих обсуждения. Отец поднимался засветло, до места работы ему приходилось добираться довольно долго. Конечно, мы могли поселиться ближе, как поступали другие наемные работники, но тогда пришлось бы жить среди нечестивых сынов Тьмы. Опуститься до такого мои родители не могли.

Закрыв за отцом дверь, мать ложилась вздремнуть на полтора-два часа, пока лучи света не начинали щекотать ее лицо. Иногда я просыпался раньше и тихонько любовался спящей. Она была красива, насколько может быть красиво земное существо. Черты материнского лица казались преисполненными совершенства и доброты, оно нежно светилось в утреннем сумраке, наполнявшем наш домик. Иногда мне казалось, будто лучи не падают на высокий лоб, а исходят из него.

Приподнявшись на локте левой руки, я рассматривал мать, наблюдая, как желтое пятно света на подушке потихоньку подбирается к ее щеке, и вдруг услышал шуршание. По земляному полу извивалось черное тело гадюки. Змея спешила к материнской руке, свисающей с кровати. Синие жилки на запястье вздрагивали в такт биению сердца, и гадюка, устремив холодный взгляд на эти жилки, стремительно приближалась.

Змеи были частыми гостями в нашем доме: когда живешь на окраине, неподалеку от полей и пустошей, нужно быть готовым к посетителям такого рода. Наша кошка, полосатая

Шунра, ловко расправлялась с ними, но в то утро ее почему-то не оказалось в доме. До запястья матери оставалось меньше локтя, когда я, сам не понимая, что делаю, вытянул правую руку и, схватив двумя пальцами голову змеи, прижал к полу.

Змея забилась, пытаясь высвободиться. Холодное склизкое тело металось по полу, то свиваясь в кольцо, то с силой распрямляясь, но я крепко прижимал ее голову к земле.

От шума мать пробудилась. Быстро сообразив, что происходит, она вскочила с кровати, схватила топорик для рубки дров, стоявший у стенки, и одним ударом рассекла змею на две части.

И вот только тогда я увидел, что мои пальцы, судорожно вытянутые, напряженные пальцы, находятся перед моим лицом, далеко от змеиной головы. Но ведь я ощущал подушечками холод ее скользкой чешуи, чувствовал дрожь разрубленного надвое тела! Что ошибалось – зрение или чувство? Но кто, кто продолжал прижимать к земле змеиную голову с раскрытой пастью, из которой неуловимыми для глаза движениями выскакивал узкий раздвоенный язык? Отрубленная половина туловища танцевала на полу страшный танец, разбрасывая в разные стороны струйки крови и слизи.

Мать расценила мою дрожь по-своему и бросилась ко мне с криком ужаса. Она решила, будто я содрогаюсь в конвульсиях после укуса. Чтобы успокоить ее, мне пришлось отпустить голову змеи, и теперь на полу перед кроватью извивались обе половины.

Я долго не мог объяснить матери, что произошло. Я сам плохо понимал случившееся. Мать разобралась быстрее меня. Взяв мою голову в ладони, она крепко поцеловала в макушку, и я вдруг почувствовал ее горячие слезы.

– Скоро мы расстанемся, сынок, – забормотала она, прижимая меня к себе. – А когда увидимся, я уже не смогу к тебе прикоснуться.

– Но почему мы должны расставаться, мама?

– Ты избранный. А может быть, даже больше, чем избранный. Если мы расскажем о случившемся отцу, он тут же отвезет тебя в Хирбе-Кумран, к Наставнику.

– Так давай не будем рассказывать, – предложил я.

Вместо ответа она еще крепче сжала меня в своих объятиях.

Любовь к сыну и материнская гордость сражались в ее сердце, словно два дракона. Поначалу казалось, будто любовь победила, и утреннее происшествие со змеей осталось нашим с ней секретом. Но время шло, и я видел, что матери становится все труднее и труднее носить в себе эту тайну.

Она колебалась около года, и за это время во мне произошли большие изменения, которые я постарался от нее скрыть. Если бы мать узнала о них, любовь отступила бы перед гордостью, что неминуемо повлекло бы к моей немедленной разлуке с домом, а переселяться в Хирбе-Кумран мне совсем не хотелось.

Мать тоже не теряла времени даром. Ее вечерние рассказы резко изменили направление. Главное место в них занял Учитель Праведности и его последователи – Наставники из Хирбе-Кумрана. Раз за разом мы погружались с ней в события шестидесятилетней давности, возвращаясь к временам Откровения. Всю энергию воображения, весь свой талант рассказчицы мать обратила на историю детей Света, и суровый мир избранных мало-помалу перестал казаться мне черно-белым и холодным.

Известно, что Учитель Праведности открылся еще при язычнике Антиохе Эпифане. Двадцать лет избранные блуждали во тьме, наощупь, будто слепые, отыскивая дорогу, пока Бог не воздвиг им Учителя.

– Нечестие в те годы полностью овладело царями из рода Хашмонеев, – рассказывала мать, – и Храм Иерусалимский погрузился в скверну. Должность главного священника стали приобретать за деньги, и царь назначал того, кто больше заплатит. Сын Тьмы, заплатив солидную сумму за назначение, служил меньше года и погибал.

В День Очищения, когда первосвященник, облаченный в восемь священных одежд, держа в руках совок с углями и чашу с пряностями, заходил в Святая Святых, его настигала кара Господня. Ведь для того, чтобы выполнить самое таинственное действие из всех храмовых работ – воскурение пряностей, первосвященник должен был находиться на особом уровне чистоты и святости. Не успевал сын Тьмы сделать и трех шагов по Святая Святых, как его сердце разрывалось на мелкие части.

Мать доставала из кармана несколько травинок и рвала их на кусочки, как бы показывая мне, что происходило с сердцем первосвященника.

– При нечестивых царях, – продолжала она шепотом, – возник новый обычай: к ноге первосвященника, входившего в Святая Святых, привязывали веревку. Служители, оставшиеся перед завесой, прикрывавшей вход, напряженно прислушивались. Услышав глухой звук падения тела на каменные плиты пола, они немедленно принимались тянуть за веревку. Ведь нет большего кошунства, чем труп в Святая Святых! Не успевал грешный первосвященник испустить дух, как он уже оказывался снаружи.

Мать тянула руками невидимую веревку, и я помогал ей, тихонько шевеля пальцами. Затем она замирала и долго смотрела на пол, словно разглядывая лежавшего там сына Тьмы в роскошных одеждах первосвященника и с сердцем, разорванным ангелом на мелкие кусочки.

– И вот, посреди тьмы нечестия и скверны неверия, – еле слышно начинала мать, – засиял факел надежды. Всевышний выбрал достойнейшего из людей и открыл ему тайны, неизвестные даже пророкам. Ведомые сердцем, подчиняясь зову, собрались избранные возле Учителя Праведности и вместе с ним сошли в Дамаск.

– А почему в Дамаск, мама?

– Подальше от нечестивых, сынок.

– А разве в Дамаске нет нечестивых?

– В Дамаске язычники, такие же, как в Греции или Риме. А нечестивые – это народ Завета, превратившийся в сынов Тьмы. Язычники подобны деревьям или камням, они могут ударить, могут даже убить, то есть повредить тело, но душу, бессмертную душу, не способны испачкать.

Так вот, Учитель Праведности обновил союз с Богом и научил своих последователей ходить чистыми путями, избегать скверны и видеть будущее. Он обучил их способам врачевания и приемам защиты, и наказал сохранять в тайне его учение, поэтому до сих пор его ученики идут тремя путями: путем Терапевта, путем Воина и путем Книжника, хранителя книг. Оттого называют нас эссеями, то есть благочестивыми, от слова «хасайя» на арамейском. А есть такие, что утверждают, будто название это происходит от слова «аса» – исцелять, также на арамейском.

Тут мать вспоминала своих братьев и пускалась в многокрасочные повествования об их славных делах. Я слушал, восхищался, запоминал, и в душе моей потихоньку зрел поворот, которого мать хотела добиться своими рассказами.

Глава II

Продажа в рабство и чудесное спасение

После случая со змеей мои отношения с матерью немного переменились. До тех пор я был полностью открыт, вываливая по вечерам в подол ее платья каждую минутку жизни, все мысли, все поступки за день, все обиды и радости. Но теперь во мне открылась новая способность, и я без устали упражнялся, тщательно скрывая результаты от матери.

Почему я стыдился своего нового качества? Не знаю... Мне оно представлялось постыдным, а его удовлетворение напоминало расчесывание зудящих комариных укусов. Сегодня я могу предположить, что мальчика смущало нарушение привычного хода вещей; обладание необычными способностями казалось нескромным, а их использование – зазорным. Общество набрасывает на личность незримое даже для нее самой ярмо, заставляя быть как все, выравнивать поступки по единому мерилу. Это одна из причин, заставляющая избранных собираться в группы и тщательно отгораживаться от простых ессеев, не говоря уже о сынах Тьмы или язычниках.

В день, когда я поймал змею, мать ушла из дому по делам, предварительно отыскав и притащив отчаянно мяукавшую Шунру. Оставшись один, я ощутил некий зуд, томление в середине пальцев. Поначалу я чесал их, пытаясь избавиться от зуда привычным способом, но облегчение не наступало. Уже не помню, что натолкнуло меня на мысль повторить утреннее происшествие.

Я поднял кисть правой руки, вытянул пальцы по направлению спящей возле стены Шунры и легонько прикоснулся их невидимым продолжением к шерстке на ее голове. От кончиков пальцев до головы Шунры было около двух локтей, но кошка немедленно подняла голову, испуганно поглядела на меня и замяукала.

Я слегка почесал ее за ушками, но Шунра, вместо того, чтобы привычно замурлыкать, отпрянула и зашипела. Шерсть на ней встала дыбом, глаза засверкали. Она озиралась по сторонам, пытаясь высмотреть, откуда пришла опасность, но ничего не могла сообразить.

Чуть вытянув руку, я дернул ее за хвост. Шунра издала вопль ужаса, высоко подпрыгнув, перевернулась в воздухе и забила под кровать. Бедняжка просидела там до самого возвращения матери.

С той минуты во мне поселилась изнуряющая страсть. Незвестная сила, скрытая в сердцевине пальцев, постоянно рвалась наружу. После того, как я выпускал ее, прикоснувшись к камням, коре дерева, сорвав листик или схватив бабочку, томление на несколько часов засыпало. Однако, проснувшись, терзало меня с новой силой, словно зубная боль или нарыв. Постепенно я заметил: если заставлять эту силу выполнять тяжелые задания, она засыпает на длительный срок.

Проснувшись, я сразу уходил в поле за домом. Мы, дети Света, стараемся держать свое тело в чистоте, поэтому родители научили меня не медлить с освобождением от внутренней грязи.

– Отец, – спрашивал я еще совсем ребенком. – Ведь грязь все время находится внутри, а значит, я никогда не бываю полностью чистым?

– Это не так, – отвечал отец. – Пока она является частью нашего тела, ее нельзя назвать грязью. Когда в тебе возникает позыв освободиться, тело подсказывает, что произошло разделение, и некая его часть стала чужой. С этого момента ты носишь в себе нечистоты и сам нечист.

С тех пор, просыпаясь, я первым делом омывал руки из кружки, стоящей возле постели, а затем устремлялся на поле. Процесс освобождения мы стараемся проводить предельно

скромно, выбирая уединенные места. Но скрыться от глаз человеческих недостаточно. Свет, имя которого эссеи с гордостью носят, проникает повсюду, как сказано: есть око всевидящее и ухо всеслышащее. Поэтому, выкопав ямку, я заворачивался в плащ, скрывая от лучей место исхода нечистот, и усаживался, стараясь держаться поближе к земле.

Возможно, эти подробности могут показаться кому-то излишними, но ведь речь идет о служении, заповеданном Учителем Праведности, а все, относящееся к Учению, не может быть ни постыдным, ни дурным.

Очистившись и умывшись в ручейке, журчащем на краю поля, я выпускал наружу томление пальцев. Поначалу поднять камушек или сорвать травинку казалось мне трудной задачей, на выполнение которой уходило несколько минут. Зато после того, как это получалось, томление оставляло меня в покое до вечера. Наверное, в минуту опасности мои пальцы действовали бы более ловко и сильно, как со змеей, но в поле было так тихо, так спокойно и радостно, что мои занятия казались забавой, детским развлечением.

Одно из правил, оставленных Учителем Праведности, гласит: улучшается лишь то, над чем трудишься. Спустя неделю я уже без труда бросал через поле небольшие камушки и мог схватить за цветные крылья ничего не подозревающую бабочку, сидящую на расстоянии пяти локтей. К утренним упражнениям я добавил вечерние, и томление сникло, скукожилось, почти сойдя на нет.

Прошли две-три недели, и я настолько привык к своей новой способности, что почти перестал обращать на нее внимание, то есть выделять из обыкновенного хода жизни. Утренние и вечерние упражнения обратились в привычную рутину – человек быстро ко всему привыкает, а ребенок особенно. Однако спустя месяц томление опять стало мучить мои руки. Тогда я принялся поднимать камушки на расстоянии семи-восьми локтей, а вместо травинки срывать листы с деревьев и тем самым заработал спокойствие еще на месяц.

О своих упражнениях я никому не рассказывал. Отец не раз говорил:

– Дети Света молчаливы. Наши Наставники проверили все состояния духа и тела и нашли, что нет ничего лучшего для человека, чем безмолвие. Молчащий подобен сосуду, наполненному елеем, а болтуна можно уподобить пустому кувшину – свое содержимое он безрассудно расплескал.

Ненасытное томление требовало от меня все больших и больших усилий. Теперь по утрам я отсутствовал так долго, что мать начала беспокоиться за состояние моего желудка и принялась поить меня отварами целебных трав. Отвары были противными на вкус, но я продолжал хранить молчание.

Мое владение томящей силой за полгода неустанных упражнений изменилось разительным образом. Теперь я совершенно свободно, чуть-чуть шевеля кистями, доставал предметы, удаленные от меня на двадцать локтей. Мои руки словно удлинились на это расстояние; все, что я мог делать живыми пальцами, в точности выполняли их невидимые продолжения.

Почти не напрягаясь, я ловил голубей, беспечно воркующих в кроне деревьев, прижимал к горячим камням огромных ящериц, опрокидывал на спину Шунру, хватал за жабры и доставал из воды юрких рыбок. Мне стоило больших усилий скрывать эту свою способность от отца и матери, ведь она оказалась чрезвычайно удобной и все больше становилась привычкой. Я мог пошевелить пылающие поленья в очаге, не вставая с постели и не беря в руки кочергу. Мог налить воды в кружку и передвинуть ее по столу до места досягаемости живых пальцев. Мог нащупать через дверь мяукающую Шунру и почесать ее за ухом.

Томление больше не мучило меня, а сидело в сердцевине рук, словно две стрелы, прилаженные к туго натянутой тетиве, давая знать о себе уже не болью, а тугим биением пульса. Стоило мне захотеть, как стрелы срывались со своих мест.

Я почувствовал себя чересчур уверенно и потерял всякую осмотрительность. Мы жили осторожно – эссеи вообще опасливы, ведь окружающие нас сыны Тьмы и язычники настроены

недружелюбно к детям Света. Большую часть времени я проводил дома или около дома, лишь иногда меня отводили в соседнюю ессейскую семью, поиграть со сверстниками, такими же детьми Света. Но игры у нас не поощрялись, ессей должен быть сосредоточен и молчалив. С вечера отец разбирал со мной одну страницу свитка, и за день я должен был выучить ее наизусть, вспомнить все объяснения отца и рассказать ему вечером. И горе мне, если я не мог этого сделать!

До «томления» я избегал отдаляться от нашего домика, но, овладев удивительной силой, я стал позволять себе все более дальние прогулки, пока в один из дней не добрался до городской площади.

Мы жили в Эфрате¹, городе на восьми холмах. Медленно пробираясь к центру, я оказался на краю одного из холмов и замер от восторга перед раскрывшимся видом на Иерусалим и его сердце, сияющее здание Храма.

Святой город лежал перед моими глазами, словно золотое яблоко на серебряном блюде. Справа возвышалась Масличная гора с гробницами царей и первосвященников; слева на холме, напоминающем очертаниями колпак, высился Иродион, дворец нашего сумасшедшего царя. Глубокий овраг, по которому, не спеша, текла река Кедрон, отделял холмы Эфраты от городских стен. По небу проплывали серые облака с белой, словно пуховой, оторочкой. Пробивавшиеся сквозь них лучи солнца падали на покрытые золотом стены и крышу Храма и он пламенел, точно огромный столб огня. Наверное, так выглядел столб Господень, за которым наши предки шли по Синайской пустыне.

На площади Эфраты бурлила и шумела толпа, крикливые продавцы за прилавками десятков лавок и лавочек наперебой предлагали удивительные, манящие товары. Посреди площади неумолчно журчал фонтан. Из большого бассейна вокруг него крестьяне, приехавшие в город, зачерпывали ведрами воду и ставили перед волами, запряженными в повозки с высокими деревянными колесами. Прислонясь к стенке из аккуратно обтесанных и плотно подогнанных желтых камней, я опустил ладони в холодную воду. Пить из бассейна, разумеется, было нельзя, ведь прикосновения множества нечестивых делали воду непригодной для детей Света. Но остудить руки и омыть вспотевшее после долгой прогулки лицо я мог.

Я уже бывал несколько раз на площади вместе с отцом и поэтому прохаживался по ней с видом завсегдатая. Мое внимание привлек шум возле возвышения, с которого глашатаи возвещали царские указы. Рядом с этим возвышением теперь была разбита большая палатка, похожая на палатку римских легионеров. Стоящий перед ней человек в короткой коричневой тунике что-то выкрикивал, размахивая руками. Собравшаяся толпа отвечала ему одобрительным гулом.

Я подошел поближе и вдруг ощутил на своем плече чью-то руку.

– Ты кого-то потерял, мальчик?

Высокий, грузный сын Тьмы с двумя подбородками, в белой, но плохо выстиранной тунике, бритый, подобно язычникам, сладко улыбаясь, смотрел на меня. Я промолчал и попытался освободиться от его руки, но он держал меня крепко.

– А где твои родители, мальчик? – вкрадчивым голосом продолжил расспросы сын Тьмы. – Ты, наверное, хочешь попасть на представление, а?

– Какое представление? – не выдержал я.

– О-о-о, ты даже не знаешь, что тебя ждет! Сегодня у нас в гостях лучшие паяцы из самого Рима. Случайно, проездом в Кейсарию, Эфрату посетила столичная труппа. Она покажет безумно смешное, забавнейшее представление. Правда, мальчикам твоего возраста немного рановато, но... – он многозначительно подмигнул, словно я понимал, о чем идет речь, но не хотел говорить об этом вслух.

---

¹ Старинное название Бейт-Лехема, в русской традиции Вифлеема.

– Так хочешь зайти внутрь?

Я неопределенно пожал плечами. Слова: представление, комики, труппа – я слышал впервые в жизни. Но вокруг так возбужденно шумела толпа, продвигаясь к входу в палатку, что мне захотелось посмотреть, на что так многозначительно намекает этот сын Тьмы.

– Хочу.

– Положись на Руфа, – он похлопал себя по груди. – Руф купит тебе билет.

Не снимая руки с моего плеча, он стал толкать меня в сторону входа. Скоро мы оказались внутри и усадились на скамейке неподалеку от помоста, возвышавшегося посередине палатки. Все пространство вокруг было уставлено таким же скамейками и на них рассаживались галдящие сыны Тьмы попеременно с язычниками. Мне стало неприятно и страшно, и я попытался встать, чтобы выйти из палатки, но Руф обхватил меня поперек туловища и силой посадил рядом.

– Сиди, мой мальчик, – сладость исчезла из его голоса. – И не вздумай шуметь, не то я задам тебе хорошую трепку.

Рукой, толстой, словно ветка дерева, и такой же твердой, он крепко прижимал меня к своему жирному боку, и в этой близости было что-то омерзительное. Я решил сбежать при первой возможности и, чтобы успокоить Руфа, перестал дергаться и стал рассматривать помост.

– Вот так-то оно лучше, – буркнул Руф.

Я думал, что он уберет руку, но он и не думал этого делать, а наоборот, еще сильнее прижал меня к себе.

На помост стали подниматься люди, одетые в яркие, но изрядно потрепанные и грязные одежды. Мы сидели прямо перед помостом, и я мог не только хорошо рассмотреть комиков, но даже ощущал исходящий от них едкий запах пота.

Люди на помосте принялись громко выкрикивать какие-то слова, отвечать друг другу невсамделишные оплеухи, картинно падать, фальшиво рыдать во весь голос. Время от времени кто-либо из них приподнимал или сбрасывал часть одежды, обнажая интимные места тела, и публика начинала истошно свистеть, улюлюкать и топтать ногами.

– Посмотри, посмотри, – говорил Руф, указывая лоснящимися подбородками на помост, – видал?

Мне это казалось неинтересным и внушающим отвращение, но я кивал, дабы не сердить сына Тьмы.

– А мы с тобой поладим, – прорычал он, когда женщина на помосте, уронив тунику, стала бегать в притворном испуге взад и вперед, показывая вопящим от восторга нечестивцам дряблое тело. – После представления пойдем в таверну, я куплю тебе полную тарелку изюма и пастилы. Ты ведь любишь пастилу, а?

Я не знал, что это такое, но снова кивнул. Женщина на помосте подобрала, наконец, тунику, натянула ее на лоснящуюся от пота плоть и завела хриплым голосом песню по-гречески. Нечестивцы подхватили, и палатка заполнилась ревом, несущимся из множества глоток. В этот момент один из мужчин на помосте сбросил одежду и стал демонстрировать всем болтающийся у него между ногами мех, сшитый в виде огромного бульбуля. Это вызвало новый взрыв восторга. Походив, вихляя бедрами, взад и вперед, мужчина высвободил затычку меха и стал поливать всех из бульбуля, словно писая.

– Вино, вино, – раздались крики. Нечестивцы вскочили на ноги, и жадно открывая рты, принялись ловить струю. Меня передернуло от отвращения.

Представление закончилось, толпа повалила наружу, и Руф, крепко схватив меня за руку, потащил за собой. Не успел я опомниться, как мы оказались снаружи, Руф подхватил меня под мышку и с неожиданной прытью помчался на край площади, к стоящим там повозкам. Только я открыл рот, чтобы закричать, хоть это было стыдно и недостойно есся, как Руф вдруг

швырнул меня с размаху в одну из повозок. От боли перехватило дыхание, и в этот момент кто-то сзади набросил на мою голову мешок и так дал под дых, что я потерял сознание.

Очнулся я от скрипа. Слева и справа от меня что-то гроыхало, переваливалось и немилосердно скрежетало. Я лежал на спине с крепко связанными руками и ногами. Лицо прикрывала рогожа, сквозь ячейки которой пробивалось солнце. Судя по тряске, меня везли на запряженной волами телеге, а скрип издавали ее огромные деревянные колеса.

До моего слуха донеслись голоса. Говорили двое, видимо, крестьянин, погонявший волов и еще кто-то, чей голос показался мне знакомым. Спустя несколько мгновений я узнал Руфа.

– В этот раз я хочу по-честному, – требовал погонщик. – Договаривались пополам, давай пополам.

– Но почему ты решил, будто я мухлюю, – раздраженно отвечал Руф. – Титий не желает давать за мальчишек рыночную цену. А от того, что я получаю, ты имеешь свою честную половину.

– Разве мы доставляем плохой товар? Или ты плохо торгуешься или врешь. Получаешь одну цену, а мне называешь другую.

– Я вру?! – возмущенно повысил голос Руф. – Да пусть звезды застынут на небе, а Цезарь обратится в козопаса, если в моих словах есть малейшая капелька лжи!

– Звезды светят не одному тебе, оставь их в покое. И Цезаря тоже не тронь, себе дороже. Цена такого мальчишки на рынке четыре тысячи сестерциев, а за прошлого мы получили только полторы. Почему?

– Сам знаешь, почему. А если родители поднимут шум, отыщут мальчишку и докажут, что он вовсе не раб, Титию придется туго. За похищение и скупку вольных сам знаешь, что может быть. Он рискует, и потому платит меньше.

– Не заговаривай мне зубы. Через день этот мальчишка будет в его поместье под Кейсарией, а через неделю где-нибудь в Дамаске или Антиохии. А спустя месяц его перевезут в Рим и продадут в один из столичных борделей за двадцать тысяч сестерциев. Мне же ты предлагаешь всего семьсот, хотя вся работа и главный риск падают именно на меня.

– Послушай, дорогой. Забирай себе этого мальчишку, вези его в Рим на своей колымге и продавай за сколько хочешь. А я подыщу себе более сговорчивого и покладистого напарника.

– Ладно, ладно, не шуми. Но хоть тысячу-то дай.

– Не обещаю, как получится. Если Титий расщедрит на две, получишь одну. Но из собственного кармана я не стану тебе приплачивать.

Я слушал этот разговор с леденеющим от ужаса сердцем. Но вот телега въехала на мощный камнями двор и остановилась. Раздалось скрипение закрываемых ворот, затем покрывавшую меня рогожу сдернула чья-то невидимая рука, меня вытащили из телеги, развязали путы под коленями и поставили на ноги.

Я оказался посреди большого двора перед красивым домом с колоннами. К нему вели белые мраморные ступени. С первой ступени лестницы на меня внимательно смотрел язычник в желтой тоге. Его бритое лицо и сверкающий череп были словно отлиты из меди. Прищуренные глаза буравили меня насквозь.

– Гляди, какой товар, – Руф положил тяжелую ладонь мне на макушку. – Чистый, свеженький мальчишка. Только что поймал, он еще испугаться как следует не успел. Всего три тысячи.

– Полторы.

– Титий, бойся Юпитера! – вскричал Руф. – Где ты видывал такие цены? Ты погляди, погляди на мальчишку, какие волосы, какие глаза, какие зубы!

Он схватил двумя пальцами мою нижнюю губу и оттянул вниз, показывая Титию мои зубы. Я дернул головой, губа выскользнула из пальцев Руфа, и я с наслаждением вцепился в них зубами. Руф истошно завизжал, мой рот наполнился соленой кровью, брызнувшей из

прокушенного пальца. Я разжал зубы и с отвращением выплюнул кровь на мраморные плиты прямо под ноги Титию.

– Он до кости прокусил, до кости, – Руф замахнулся другой рукой, собираясь отвесить мне затрещину, но Титий прикрикнул на него.

– Не трогай мальчишку.

– А тебе-то что, – заорал Руф. – Пока ты не купил, это мой раб. Что хочу, то с ним и делаю.

– Это мы выясним, раб он или не раб, – холодно произнес Титий. – Хочешь полторы тысячи, бери и убирайся. Если желаешь получить больше – представь доказательства, что мальчишка действительно раб, а не украденный тобою вольный.

Он отстегнул кошелек и призывно покачал перед носом Руфа.

– Я вольный, – мой голос рвался и дрожал. – Я не раб! Он силой затащил меня сюда. Я все расскажу маме и папе.

Руф кивнул, и кошелек, взмыв в воздухе, очутился в его ладонях. Слегка поклонившись, он взобрался на телегу и стал разворачивать волов. Титий подошел ко мне.

– Вольный, говоришь?

Я кивнул.

Он размахнулся и наотмашь ударил меня по щеке.

– Забудь это слово. Ты раб. Мой раб. И будешь таким до конца жизни.

– Я вольный, я свободный человек!

Он с размаху ударил меня по другой щеке. Мой рот наполнился кровью, теперь уже моей собственной. Вкус был точно такой же, как у прокушенного пальца Руфа.

Телега, скрипя, выкатилась со двора, створки ворот сомкнулись, а Титий продолжал хлестать меня по щекам.

– Ты раб, ты мой раб, – повторял он. – Запомни, мой раб, раб Тития. Повтори – я раб Тития. Титий – мой господин.

Но я только отрицательно мотал головой. Кровь и слезы летели в разные стороны. Наконец Титий устал.

– В клетку его, – приказал он подбежавшему рабу. – Без воды и хлеба. И подай умыться.

Меня отвели за боковую пристройку. Я плохо видел и шел спотыкаясь. Посреди маленького дворика стояла деревянная клетка. Раб, тянувший веревку, привязанную к моей шее, отпер дверь, посадил меня и помог пролезть внутрь.

– Ты лежи, лежи, – участливо сказал он. – И не перечь хозяину. Ничего хорошего из этого не выйдет. Дома тебе уже не видать, смирись. А иначе забьют до смерти, а тело выкинут в ущелье, на съедение волкам.

Я в изнеможении опустился на соломенную подстилку.

– Как же ты не уберегся, – сочувственно продолжил раб, запирая клетку. – И родители твои куда смотрели? Разве можно в наше время отпускать ребенка на базарную площадь?

Его участливый тон пробудил во мне надежду.

– Послушай, – зашептал я, с трудом двигая разбитыми губами. – Мы живем на окраине города, у теребинтовой рощи, рядом с источником. Моего отца зовут Йосеф, мы ессеи. Передай ему, где я.

Раб испуганно оглянулся по сторонам.

– Ты что, мальчик, с ума сошел! Да мне за это жилы из ног вытянут и на палку намотают.

Он еще раз оглянулся и быстрым шагом бросился вон со двора. Видимо, мои слова напугали его до глубины души. Я уткнулся лицом в солому и зарыдал.

Острая боль терзала расквашенный нос, ныла разрезанная о зубы верхняя губа, саднили щеки, исцарапанные перстнями Тития. Неужели я больше никогда не увижу маму? Она уже вернулась домой, ищет меня. Бродит по теребинтовой роще, думая, будто я уснул в тени кустов. Бедная мама, бедная моя мама!

Я зарыдал еще пуше, но тут рядом со мной раздался тихий голос.

– Кончай выть. Лучше давай подумаем, как выбраться отсюда.

Из-под вороха соломы в углу клетки выполз мальчишка. С виду он был года на два-три старше меня. Смуглый, с черными, масляно блестящими кудельками коротко подстриженных волос, горбатым носом и россыпью мелких розовых прыщиков на лбу. Его глаза лихорадочно блестели.

– Я слышал, ты из ессеев? – спросил он, подползая ближе.

– Ну и что?

– Да ничего.

Из его рукава что-то скользнуло, и в руке мальчишки заблестела узкая, металлически поблескивающая бечевка.

– Тут половина волокон из меди. Лучше любого ножа. Они схватили меня внезапно, руки связали раньше, чем я успел ее достать. А то бы дался я им, как же...

Он шмыгнул носом.

– Тебя тоже на площади поймали?

Я кивнул.

– Сволочь этот Руф. Ну ничего, я с ним еще рассчитаюсь. Давай срежу веревку.

Я поднял онемевшие руки, мальчишка натянул между пальцев свою бечевку и сделал почти неуловимое движение. Разрезанная веревка сама упала с моих рук.

Пока я разминал затекшие пальцы и растирал запястья, мальчишка быстро шептал.

– Видишь, арки. Из дома можно выбраться только через них. Ворота заперты, рабы спят во дворе, под навесами. Я все рассмотрел, когда к Титию водили.

Он презрительно плюнул сквозь прутья клетки. Его смуглое лицо исказила гримаса ненависти.

– Меня зовут Гуд-Асик, – сказал он, протягивая мне руку. – А тебя?

– Шуа.

– Так вот, вокруг дворика три арки. Дом стоит на краю холма. За арками – обрыв. Но не отвесный, если спуститься на землю, можно потихоньку сползти по склону. Там есть кусты и деревья. Вчера я попросился размять ноги, и раб ходил со мной по дворику. За веревку меня держал, дурень. Я ее на руки намотал, будто они связаны.

– А почему ты тогда не убежал?

– Тогда я не знал, куда и как. А теперь знаю. Если связать мою веревку и твою, можно спуститься почти до земли. Ну, прыгнуть немножко останется, не страшно. Ты прыгать умеешь?

– Умею, – сказал я неуверенно.

– В общем, так, когда раб принесет мне еду, ты отвлеки его внимание. Застони или попроси что-нибудь. Пусть он только к тебе повернется, а дальше я своего не упущу. Потом свяжем веревки и спустимся вниз.

– А если длины не хватит?

– Лучше шею сломать, чем вот так... – и Гуд-Асик снова презрительно плюнул.

Затем он связал вместе разрезанную веревку и снова намотал ее мне на руки, но уже не завязывая. От нее можно было освободиться несколькими движениями. Мы улеглись на солому и стали ждать.

Когда зашло солнце и на небе выступили крупные холодные звезды, во дворик вошел Титий. Его сопровождали несколько рабов. Один из них держал факел.

Титий снял с пояса ключ и велел одному из рабов отпереть клетку.

– Лежи тихо, – прошептал Гуд-Асик. – Их слишком много. Подождем другой возможности.

Раб отпер клетку, и Титий, взяв из рук раба факел, просунул его внутрь.

– Как ты поживаешь, раб мой? – спросил он Гуд-Асика.

– Благодарю, господин, – смиренно ответил тот. – Уже лучше.

– Я вижу, – довольным тоном произнес Титий, поднося факел совсем близко к его лицу, – ты взялся за ум.

– Да, мой господин.

– А ты? – он поднес факел ко мне.

Я молчал.

– Упрямисься... – усмехнулся Титий. – Ну ничего, твой товарищ расскажет тебе ночью, что я делаю с теми, кто не хочет подчиняться. Расскажешь?

– Да, мой господин, – ответил Гуд-Асик.

Титий собственноручно запер клетку, привесил ключ на пояс, передал факел рабу и подошел к арке.

– Однако тут прохладнее, чем в доме! – воскликнул он, подставляя грудь ветерку. – Как дует, как дует! Ну-ка, принеси сюда кресло.

Через несколько минут, удобно устроившись в глубоком кресле и поставив ноги на стульчик, Титий приказал подать кувшин фалернского вина.

– Добавь четыре ложки снега, не больше, – предупредил он раба. – Если испортишь, как в прошлый раз, шкуру спущу.

Тот склонился в поклоне и кинулся выполнять приказание. Мои разбитые губы горели, горло пересохло, а Титий наслаждался холодным вином. Спустив тунику до пояса, он в блаженстве прикрыл глаза. Прошло совсем немного времени, как его голова запрокинулась, и вскоре из глубины кресла донесся могучий храп.

Раб укрепил факел в подставку на стене и быстро вышел.

– Он теперь долго не проснется, – зашептал Гуд-Асик.

– Откуда ты знаешь?

– Да уж знаю... Эх, если бы сейчас открыть клетку.

Я сбросил веревку с кистей и пошевелил пальцами. Чувствительность полностью вернулась и, протянув руки по направлению к спящему Титию, я выпустил томление.

– Ты что такое делаешь? – изумленным тоном зашептал Гуд-Асик.

– Не мешай!

Быстро отыскав ключ на поясе, я стал осторожно прощупывать крепление. Ночной ветерок раздувал факел, огонь трещал и метался, и я закрыл глаза, чтобы суматошное мельтешение теней не отвлекало внимания. Прошло довольно много времени, пока я сообразил, как отцепить ключ. Титий продолжал храпеть, его грудь мерно вздымалась и опадала.

Я подтащил ключ к клетке и прошептал Гуд-Асику:

– Помоги же.

Он смотрел на меня, от удивления открыв рот.

– Так ты ессей или маг? – хриплым шепотом выдавил он из себя.

– Не знаю. Хватай ключ!

Сосредоточившись, я стал поднимать ключ вверх. Гуд-Асик высунул руку из клетки и тянулся к нему, широко растопырив пальцы. Наконец ключ оказался у него в ладони, и спустя несколько мгновений дверь была отперта.

Мы осторожно выбрались наружу. Гуд-Асик протянул мне связанную в одно целое веревку.

– Привяжи ее за столбик балюстрады. Только крепко, на несколько узлов. Сумеешь?

Я молча кивнул и бросился к арке. Гуд-Асик плавно заскользил к Титию. Двигался он совершенно бесшумно, как кошка. Оказавшись возле кресла, он вытащил тускло блеснувшую бечевку, натянул между кистями рук и взмахнул ею возле торчащего вверх кадыка Тития. Тот захрипел, закашлялся. Гуд-Асик ухватил его за волосы и потянул назад. Я в изумлении замер.

На шее у Тития открылся еще один рот, длинный и узкий, рот раскрывался все шире и шире, как вдруг из него густо полилась черная кровь.

Титий попытался приподняться, но Гуд-Асик крепко держал его за волосы. Тело римлянина задрожало, забилося и вдруг резко обмякло. Гуд-Асик отпустил волосы и за несколько плавных шагов оказался возле меня.

– Готово?

– Готово. А... что ты с ним сделал?

– Как это что? – Гуд-Асик удивленно посмотрел на меня. – Зарезал я его.

– До смерти?

– До самой. Дальше некуда. Ты первый полезешь?

Я заглянул за балюстраду. Там было темно, луна еще не взошла, и понять, что ждало внизу, оказалось невозможно.

– Ладно, не трусь. Я спущусь и подожду тебя внизу.

Он ловко, точно большая кошка, вскочил на балюстраду, лег на живот, схватил обеими руками веревку и соскользнул вниз. Я высунулся наружу, пытаюсь что-либо разглядеть, но безуспешно. До моих ушей доносилось лишь шуршание, видимо, Гуд-Асик упирался ногами в стену. Потом я услышал легкий треск, и веревка ослабла.

Что случилось? Он сорвался? Разошелся один из узлов? Или спрыгнув, он угодил прямо в куст? Мысли одна за другой проносились в моей голове, как вдруг из черной глубины донесся едва слышный голос.

– Давай, все в порядке.

Я взобрался на балюстраду и повторил путь своего товарища по несчастью. Спускаться просто: неровные стыки больших камней, из которых сложена стена, служили хорошими упорами для ног. Быстро добравшись до конца веревки, я замер. Внизу темно. Не решаясь прыгать, я висел, прислушиваясь.

– Отпускай веревку, – голос Гуд-Асика раздался неожиданно близко. – Осталось меньше твоего роста.

Я отпустил веревку. До земли действительно оставалось совсем немного. Глаза уже привыкли к темноте, и я начал различать очертания дома и человеческой фигуры на расстоянии вытянутой руки.

– Тут тропинка есть, – вполголоса произнес Гуд-Асик. – По краю обрыва ведет. По ней мы, скорее всего, к воротам выйдем. Я первый пойду, а ты за мной. Делай, как я. На объяснения времени нет.

Он быстро двинулся по тропинке, держась одной рукой за стену. Я пошел за ним. Очень скоро мы оказались на краю света и тени; факелы, укрепленные на косяках ворот, освещали неровным светом площадь перед входом в дом и будку, в которой сидел страж.

Гуд-Асик наклонился и стал шарить по земле. Потом, что-то отыскав, он размахнулся и бросил. Камушек заскакал по гранитным плитам перед воротами. Страж вылез из будки и взял в руки факел. Гуд-Асик размахнулся что было сил и зашвырнул второй камушек через площадь, по другую сторону ворот.

– Кто тут? – крикнул страж. Он вытащил меч и, выставив перед собой факел, пошел к месту, куда упал камушек.

Гуд-Асик бесшумно оторвался от стены и побежал через площадь. Я устремился следом. Он двигался совершенно беззвучно, а я, как ни старался, все-таки шлепал подошвами сандалий. Мы успели добежать до начала улицы, пока страж слышал это шлепанье и обернулся. Наверное, факел слепил ему глаза, а может, он решил, будто ему только почудились две мелькнувшие на краю площади тени. Во всяком случае, он не поднял шум и не пустился в преследование.

Вбежав на улицу, Гуд-Асик резко остановился и прильнул к стене дома. Я стал рядом.

– Времени у нас мало, – быстро проговорил Гуд-Асик. – Скоро вернется раб, сбежится охрана, увидят, что клетка пуста, найдут веревку, пустят по следу собак. Я побегу в свою сторону, ты – в свою. Найди ручей, протопай по нему локтей пятьдесят, чтобы сбить собак со следа. Или залезь в фонтан на городской площади и походи по нему взад и вперед несколько раз. Там полно запахов, и собаки тебя потеряют. Все, будь здоров.

Он рывком оторвался от стены и побежал вниз по улице. Спустя несколько мгновений я остался один посреди ночи.

До чего же грубы дети Тьмы! С какой легкостью мальчик почти моего возраста зарезал человека. Пусть язычника, пусть негодяя и подлеца, но без суда, по собственному усмотрению и воле. И как он тащил его за волосы, раскрывая пошире рану! Меня передернуло от ужаса и отвращения.

Но что теперь делать? Куда идти? Где фонтан? Как отыскать дорогу домой? Меня привезли сюда с мешком на голове, и я совершенно не представлял, где нахожусь. Почему я не спросил у Гуд-Асика, в какую сторону бежать? Рядом с ним все просто: я плыл по течению, не задумываясь о поступках, сейчас же нужно самому решать, что делать дальше.

Впрочем, выбор отсутствовал – я мог только бежать вниз по улице вслед за товарищем, ведь за моей спиной возвышались ворота дома Тития.

Улица привела меня на перекресток. Город уже спал, лишь некоторые окна тускло освещены. Вспомнив, чему учил меня отец: если не знаешь, куда идти, поворачивай направо, ведь милосердие находится с правой стороны Всевышнего, а суд и сила – с левой, – я свернул направо. На следующей развилке снова направо, и снова, и снова, пока не выбежал на площадь, где начались мои злоключения.

По пустой площади гулял прохладный ночной ветерок. Из открытых дверей таверны доносились пьяные голоса. Вода в фонтане призывно журчала. Только сейчас я понял, как сильно хочу пить. Подбежав к ограде, я зачерпнул холодную воду сложенными ковшиком ладонями и поднес ко рту.

Острая боль заставила содрогнуться мое тело. Разбитые губы, расцарапанные щеки, распухший язык, заснувшие было от нервного потрясения, пробудились от соприкосновения с холодной водой. Превозмогая боль, я сделал несколько глотков, а затем, вспомнив совет Гуд-Асика, перелез через парапет и окунулся с головой. Раз, другой, третий. Холод воды подействовал на меня чудотворным образом. Боль не ушла, но голова прояснилась.

Я выбрался из фонтана, перебежал, оставляя за собой лужицы, на восточный край площади, потом на западный. Затем отыскал улицу, по которой пришел сюда утром, и помчался по ней.

Эфрата безмолвствовала. В ночной тишине раздавался только отдаленный лай собак в усадьбах. Видимо, Тития еще не нашли. Пока я добрался до дому, моя одежда почти просохла.

В нашем домике горел свет. Мать, заслышав шаги, выбежала на порог и сжала меня в объятиях.

Глава III

Поцелуй Большого Змея

После того как я сменил одежду, и мать смазала оливковым маслом мои раны, я принялся рассказывать о происшествиях этого длинного дня. Отец слушал молча, глядя на меня, а мать поминутно вскрикивала, полностью погрузившись в рассказ. Дойдя до ключа, я слегка замешкался, ведь отец даже не догадывался о моих способностях, а мать, кроме истории с гадюкой, тоже ничего не знала.

Но скрыть такую важную подробность я не мог, и поэтому рассказал все полностью.

– Он избранный, – воскликнула мать, когда я закончил. – Нет, он больше чем избранный. Йосеф, наш сын – Второй Учитель!

Отец поморщился.

– Не придумывай, – резко сказал он. – Сейчас мы должны позаботиться о более важных вещах. Скажи, сынок, те люди знают, кто ты такой?

– Нет, – уже хотел ответить я и замер. Раб! Я ведь назвал рабу свое имя, имя отца, сказал, что мы ессеи и живем на окраине Эфраты возле теребинтовой рощи!

– Надо уходить, – решил отец. – Прямо сейчас. До утра побудем у друзей, а там решим.

У ессеев нет имущества, поэтому на сборы ушло немного времени. Когда мы вышли из домика, над рощей стояла полная луна. Из города доносились истошный собачий лай и крики.

– Погоня началась, – отец ускорил шаги. – Скоро они будут здесь.

Мы дошли до ручья и долго шли по воде, стараясь не шуметь. Потом брели пустошью, спотыкаясь о камни и царапая ноги колючками стелящегося по земле кустарника. Отец привел нас в пальмовую рощу, усадил между стволами, выбрав местечко потемнее и велел дожидаться. Мать обняла меня за плечи, прижала к своему мягкому плечу и принялась тихонько раскачиваться.

– Бедный мой мальчик, бедный, бедный мой мальчик. Разве можно быть таким неосторожным? Сыны Тьмы нас ненавидят, а язычники жестоки и безжалостны. Если бы не Отец наш небесный, они проглотили бы живьем детей Света.

– Мама, а кто такой Второй Учитель?

– Это ты, мой сынок.

– Но почему Второй, и кого я должен учить?

– Ты все поймешь сам, когда повзрослеешь. Твой разум спит, ты ведь еще мальчик, маленький наивный мальчик. Когда он проснется, у тебя не будет вопросов.

– А кто Первый, мама?

– Первый... – она тихонько засмеялась счастливым смехом. – Первый – Учитель Праведности. Перед смертью он оставил пророчество, тайное, скрытое пророчество. Мне его рассказал брат, твой дядя, избранный из Хирбе-Кумрана. Когда-то мы были очень дружны, пока его духовный путь не разлучил нас навсегда.

Она замолчала. Лунный свет, пробивавшийся сквозь широкие пальмовые листья, освещал лицо матери, и я заметил, как ее глаза налились слезами.

– О чем пророчество, мама?

– Ах да. Через сто пятьдесят лет после смерти Первого Учителя придет Второй, великий сын Света, который изменит мир. Срок наступил, и все ессеи ждут, когда он откроется.

– Мама, но почему ты думаешь, что это я!

– Я знаю... я чувствую... я верю...

Мы долго сидели молча, обнявшись и тихонько раскачиваясь. Вдруг мать выпрямилась и спросила дрожащим от волнения голосом.

– Ты видишь? Посмотри, вот здесь, ты видишь?

Свободной рукой она указывала в небо прямо у нас над головами.

– Что вижу, мама?

– Звезда, голубая звезда с длинным хвостом. Вчера ее тут не было.

Я внимательно оглядел черное небо, утыканное блестящими точечками, но не заметил на нем голубой звезды с хвостом.

– Я ничего не вижу, мама.

– Ну как же, сынок, вот она, прямо перед глазами.

Ее голос звенел и рвался, она так хотела показать мне эту звезду, так боялась, что я не вижу того, что открывается ей, что я не смог не соврать.

– Да, вот она, вот. А что это, мама?

– Так сказано Учителем Праведности: взойдет звезда второго пришествия, и спустится ангел с небес, и отворит сосуды закрытого знания, и откроется Второй Учитель, и освободит мир.

– От чего освободит?

– От нечестия, от злобы, гнева, лжи, подлости, обмана. Сначала Всевышний послал откровение только избранным, а теперь истина станет достоянием всех сынов Завета и всех народов.

– Мама, но я не знаю никакой истины. Мне нечего открывать и нечему учить.

– Не волнуйся, сынок. Истина спрятана в тебе, подобно тому как горчичное зерно прячется в глубине земли. Оно прорастет, и маленькое зернышко превратится в цветущее дерево.

Она еще сильнее прижала меня к себе.

– Я думала, твой путь только начинается, и мне дадут побыть с тобой еще несколько лет. Но тебя уже зовут. Разве ты не слышишь зов?

В ее голосе звучали такая надежда и такое ожидание, что я снова соврал, второй раз за этот вечер.

– Да, мама, я слышу.

Как эссеист, я понимал, что такое зов и откуда он может прийти. Сколько я себя помню, разговоры в нашем доме вертелись вокруг этих тем. Для чего душа спускается в мир, в чем назначение человеческой жизни и смысл бытия. Отец беспрестанно объяснял мне отличие эссеистов от нечестивых сынов Тьмы, а вечерние рассказы матери, в общем-то, сводились к тем же темам. Я знал, где скрывается истина, и был готов, как эссеист, сын эссеиста, вместе с другими сынами Света выступить на борьбу против сил Тьмы. Но мне так хотелось, оставив в стороне борьбу, истину, смысл жизни и цель бытия, побыть еще с мамой, вот так, прижавшись к ее плечу, раскачиваясь под шорох пальмовых листьев и ласковое посвистывание ночного ветерка.

Я не заметил, как заснул. Меня разбудила мать, тихонько трясая за плечо.

– Вставай, Шуа, скоро рассвет, нам пора идти.

Отец отвел нас в маленький домик, похожий на тот, который мы оставили накануне. В нем жила семья эссеистов, нас уложили за тростниковой занавеской в дальнем углу единственной комнаты домика. Я сразу заснул, а когда открыл глаза, солнце уже низко висело над верхушками деревьев. От усталости и волнения я проспал остаток ночи и большую часть дня.

Мама подала кружку для умывания и кусок хлеба на завтрак. Я сильно проголодался и с жадностью набросился на хлеб.

– Сначала молитва, – решительным голосом приказала мать. – Не забывай, ты – Второй Учитель и должен вести себя соответствующим образом.

Я отошел за занавеску и приступил к молитве. Молился я бездумно, по привычке, слова, столько раз повторенные, сами соскакивали с языка. Но все-таки что-то во мне переменялось. Пока мать утверждала, будто я не простой эссеист, а избранный, я относился к этому с недо-

верием. Избранные казались мне особым сортом ессеев, людьми, осененными присутствием Всевышнего, носящими на челе Его незримую, но явно ощущаемую печать.

Сейчас, когда мать стала внушать мне, будто я – Второй Учитель, избранность перестала казаться мне чем-то таинственным и недостижимым. Идея о моем избранничестве спокойно и прочно осела в голове, и я поневоле начал стараться вести себя, как подобает избранному.

Мать моментально заметила произошедшую со мной перемену. После завтрака она подвела меня к окошку, поставила так, чтобы солнце падало на лицо, и долго-долго всматривалась в мои глаза, гладила кончиками пальцев лоб, ласково щекотала уши и щеки.

– Мальчик, мой маленький мальчик, – шептала она.

Вернулся отец. Мы уселись на полу за занавеской.

– В город вошли две когорты сирийских наемников, – устало начал рассказывать отец. – Все входы и выходы в Эфрату перекрыты. Два сбежавших раба не только зарезали Тития, но и украли изрядное количество драгоценностей. Драгоценности, конечно же, утащила прислуга и валит все на неизвестных рабов. Впрочем, вполне известных. Возле нашего дома в рощице сидит засада.

Отец усмехнулся.

– За что только царь Гордус платит деньги сирийцам? Не заметить эту засаду может только слепой и глухой. Они громко разговаривают, сломали несколько кустов и мочатся с шумом и ужасающим зловонием. Сегодня ночью, в начале третьей стражи, когда сон особенно глубок, мы уйдем из города.

Он посмотрел на мать.

– Пойдем в Галилею, к твоим родственникам. В этой горной глухомани нас никто не отыщет.

К моему удивлению, мать решительно воспротивилась.

– Пока ты ходил по Эфрате, я побывала у Вестника. Есть новости. Важные новости.

От удивления лицо отца немного вытянулось.

– С каких пор Вестник разговаривает с женщинами?

– Со мной он стал разговаривать, – с гордостью ответила мать. – Правда, через занавеску, но какое это имеет значение.

Обычно новости от Вестника приносил отец. Вестник, есеей высшего ранга, почти избранный, жил на отшибе, тщательно оберегаясь от встреч с язычниками, сынами Тьмы и женщинами. С утра до глубокой ночи он был погружен в молитву и учение, еду для него собирали среди ессеев Эфраты и в специальной посуде, не принимающей духовную нечистоту, приносили к порогу его домика.

Раз в несколько дней Наставник из Хирбе-Кумрана передавал Вестнику указания. Как это делалось – никто не знал, но в каждой общине обязательно был такой Вестник, с помощью которого Наставник связывался со всеми ессеями.

– Ну и что же он сказал? – спросил отец.

– Сирийцы пришли в Эфрату не зря. За сбежавшими ворами не посылают две когорты. Царь Гордус призвал магов, те обратились к Большому змею.

– Что за глупости! – воскликнул отец. – Из-за двух сбежавших рабов не призывают магов.

– Это ты так думаешь, – отрезала мать. – А у царя на этот счет иное мнение. Так вот, Змей открыл, будто в убийстве Тития замешан будущий царь Иудеи. Человек, который пришел изменить мир. Гордус послал две когорты, чтобы отыскать виновников, а если не удастся обнаружить, где скрывается будущий царь, – убить всех мальчиков Эфраты его возраста. Теперь ты веришь, что наш сын – Второй Учитель?

– Почему ты решила, будто речь идет о Шуа? Там ведь был еще один мальчик. Именно он и убил Тития. Значит, Гуд-Асик и есть будущий царь.

– Учитель Праведности передал, что Второй учитель будет убивать словом. Значит, сын Тьмы Гуд-Асик отпадает. И вообще, ты можешь себе представить праведника, перерезающего горло человеку?

– Послушай, – отец говорил нарочито спокойным голосом. – Во-первых, мы не полагаемся на откровения магов и пророчества сил нечистоты. А Большой Змей – самое что ни на есть явное проявление этих сил. Во-вторых, царь Иудеи и Второй Учитель вовсе не обязательно одно и то же лицо.

– Второй Учитель придет изменить мир. Змей произнес те же самые слова. И царь Гордус понял. Он ведь не зря пригнал в Эфрату две когорты. И не просто пригнал, а на следующий день. Ты когда-нибудь слышал, чтобы дела в нашей стране решались с такой скоростью?

– Тут ты права, – отец потер пальцами переносицу. – Поспешность царя – серьезный довод. Правда, от этого сумасшедшего нечестивца можно ожидать каких угодно глупостей.

– Йосеф, – голос матери потеплел. – Какое будущее ожидает нашего мальчика в Галилее? Пасти коз на горных пастбищах? Играть с детьми нечестивцев? Один раз в месяц видеть ессейского учителя? Разве о такой доле мы с тобой мечтали, когда думали о сыне?

Отец молчал. Мать тоже замолкла. В домике воцарилась тишина. Сквозь открытую дверь доносилось вечернее воркование голубей.

– Хорошо, – нарушил молчание отец. – Я отведу Шуа в Хирбе-Кумран.

Но мать не согласилась отпустить нас одних.

– Избранные не дадут мне даже обнять моего мальчика, – твердила она, сжимая мою ладонь. – Я хочу быть с ним до самых стен Кумрана, а дальше....

Тут она морщила нос и прикрывала глаза ладонью.

– Послушай, Мирьям, – отец выглядел решительно. – Или наш сын – Второй Учитель, и его место среди избранных, или он – обыкновенный мальчик, и тогда он останется с тобой еще на несколько лет. Но в таком случае вместо пустыни Соленого моря этой ночью мы отправимся на север, в Галилейские горы.

Но мать давно уже сделала свой выбор, поэтому, когда ночной ветер во второй раз изменил направление, мы тихонько вышли из домика и двинулись к югу. На дороге, ведущей к Эфрате, горел костер, несколько солдат спали под придорожными валунами, а двое стояли, перегородив проезд. Мы обошли заставу полем, отойдя так далеко в сторону, что пламя костра казалось тусклым светляком, а затем снова вернулись на дорогу.

– Отец, – спросил я, – кого могут задержать эти солдаты? Неужели царь не понимает, как они несут службу?

– Смотри и учись, – ответил мне отец. – Большинство дел в нашем мире делается именно таким образом. Цари отдают страшные приказы и со стороны кажется, будто нет ни надежды, ни спасения. Но внутри все выглядит по-иному. Муравей без труда проползает между плотно сомкнутыми створками ворот. Для человека, который не занимает места, всегда находится место.

Мы шли, не останавливаясь до тех пор, пока серая придорожная пыль не стала розовой под лучами восходящего солнца. Отец выбрал рощицу с густыми зарослями каперса, мы забрались поглубже, улеглись под ветки и заснули.

Когда я открыл глаза, сиреневое небо над головой начало наливаться фиолетовым. Верхушки кипарисов еще золотились в лучах солнца, но кусты, где мы лежали, накрыла глубокая тень. Прямо надо мной раздалось частое постукивание. Дятел, сидя на стволе, часто затряс головкой. На спящих под деревом людей он не обращал никакого внимания. Наверное, листья кустарника и неподвижность сделали нас незаметными. Я тихонько приподнял руку, вытянул ладонь правой руки по направлению к дятлу и освободил томление. Оно давно щекотало и давило, но в присутствии родителей я не хотел пускаться на приключения.

Дятел изумленно дернул головой, пытаясь вырваться. Я сильнее напряг ладонь и с особенной остротой ощутил трепетание его тельца так, словно сжал дятла собственно пальцами, а не их невидимым продолжением. Ощущение было столь неожиданным и резким, что я немедленно разжал пальцы, и дятел, испуганно взметнувшись со ствола, кинулся в сторону и скрылся из виду.

Несколько минут я лежал, ошеломленный новизной ощущения, а потом прикоснулся к ветке кипариса на расстоянии примерно десяти локтей от меня. Ветка была теплой и шершавой, зеленые иголки слегка покалывали кончики пальцев. Я прицелился было к желто-лимонной бабочке, присевшей на куст, но проснувшиеся родители помешали мне продолжить.

До самой темноты отец повторял со мной отрывки из Святого Писания и заставлял читать наизусть тексты ессейской традиции. Как только бледная луна показалась на черном бархате небосвода, мы снова двинулись в путь. Шли лишь до полуночи; Эфрата осталась далеко позади, и погони можно было уже не опасаться.

Проспав до утра в забытом на поле стоге сена, мы вышли на дорогу не как беглецы, а как обыкновенные путники, и продолжили свой путь к Соленому морю. Местность шла под уклон, с каждым шагом мы спускались все ниже и ниже. Вокруг нас постепенно исчезал зеленый цвет. Сначала пропала трава, затем кусты и деревья. К полудню мы оказались посреди пустыни.

Желтые, коричневые, бурые взгорья, шершавые уступчатые утесы, перемежающиеся россыпью мелких камней. Плавные очертания складчатых холмов. Редкие чахлые кустики, покрытые толстым слоем пыли, низкорослые деревья, тянущие плоские черные ветки над плывущим от зноя серым песком. Медленно парящие в потоках воздуха орлы, огромные ящерицы, сидящие на черных валунах.

И вдруг – выскочившая из-за поворота лазурная синева моря с белыми барашками волн. Потом я узнал, что это вовсе не барашки, а проглядывающие сквозь неглубокий слой воды огромные глыбы соли. Сразу за морем высились полускрытые дымкой розово-черные горы Моава.

За тремя утесами, похожими издавлек на корону, отец начал всматриваться в скалы и, отыскав еле заметную тропинку, свернул с дороги. Мы долго карабкались по камням, хватаясь за пышущие жаром валуны, пока не оказались перед чернеющим в желтой скале беззубым ртом пещеры. Оттуда несло сыростью и прохладой тухлой воды. Протиснувшись внутрь и подождав, пока глаза привыкнут к сумраку, мы начали спускаться по утоптанному глиняному полу. Через три десятка шагов отец, идущий впереди, остановился.

Перед нами в огромном углублении простиралось болото, покрытое зеленой ряской. Как видно, дождевая вода, во время зимних бурь заливающая пещеру, собиралась в самом низком месте и за лето не успевала полностью высохнуть. Воняло в пещере нестерпимо.

– Нужно очиститься, – сказал отец. – Иначе стражи пустыни не пропустят нас в Хирбе-Кумран.

– Очиститься? – крик отвращения сам собой вырвался из моей груди. – Но в этом болоте можно только перепачкаться!

– Есть грязь материальная, – ответил отец, снимая заплечный мешок, – а есть духовная нечистота. От физической грязи это болото не очистит, тут ты прав. Но чтобы смыть с себя духовные нечистоты, нужна вода, определенное количество воды. Что поделать, если в этой местности не существует никакого другого водоема?! Да и этот – тайна, тщательно охраняемая ессеями.

Он начал снимать с себя одежду. Мать отвернулась.

– Шуа, я окунусь первым, ты за мной, потом мама, – отец остался в набедренной повязке и начал осторожно входить в воду. Зайдя по колено, он стал разматывать повязку, и я отвернулся, последовав примеру матери. Повязка взлетела в воздух и упала на пол, затем послышался всплеск. Один, другой, третий. Отец окунулся семь раз и выбрался на берег. Краем глаза

я видел его набедренную повязку, лежащую на полу. Когда она исчезла, подхваченная рукой отца, я повернулся.

Отец стоял передо мной, весь покрытый зеленой ряской, и стирал ее ладонями с тела. В сплошной поверхности болота образовалась большая промоина. Вода в ней была черной.

– Раздевайся.

Я начал снимать одежду. Черное пятно посреди зеленой, дрожащей поверхности пугало. Мне почему-то стали мерещиться кольца мощного тела, скрывающегося под ряской, упругая напряженность плоской головы, с горящими точками глаз, готовая к укусу пасть с острыми треугольными зубами.

– Чего ты ждешь? – голос отца вывел меня из оцепенения. Сбросив тунику и положив на нее набедренную повязку, я осторожно прикоснулся ступней к воде. Она была прохладной, и эта прохлада манила мое раскаленное жаром тело.

Я быстро зашел по колено. Дно оказалось плоским и ровным, таким же, как и пол пещеры. Мои движения пробудили новую волну вони. Затаив дыхание, я быстро сделал еще несколько шагов, и когда вода дошла до пояса, резко присел на корточки.

Прохлада накрыла меня с головой, и в наступившей тишине я четко услышал угрожающее шипение, словно гигантская змея, раскрыв пасть, готовилась к прыжку.

Выскочив из воды, я рванулся к берегу, но отец остановил меня.

– Семь раз! Окунись семь раз.

– Но почему семь! Разве одного недостаточно?

От одной мысли вновь очутиться под водой у меня захолонуло под ложечкой.

– Много тайн скрывается в этом числе. Потом объясню. Окунайся.

Я вернулся назад и с ужасом посмотрел на воду. По ее поверхности, пересекая черную прореху в ряске, быстро промчался жук плавунец.

– Окунайся!

Я набрал полную грудь воздуха, зажмурился и с ужасом присел на корточки. Шипения не было. Выпрямившись, я с облегчением выдохнул воздух, снова глубоко вдохнул и опять присел. Тихо. Наверное, мне показалось. Четыре, пять, шесть.

На седьмой раз я окунулся уверенно и спокойно, как вдруг жуткое шипение поглотило все вокруг. Змея была рядом, ее голова почти прикасалась к моей, а узкий исчезающий язык щекотал ухо. Я ощутил его ледяную шершавость, его склизкое, заполняющее прикосновение и с воплем выскочил из воды. Спустя мгновение я уже стоял на берегу.

– Что случилось? – с удивлением спросил отец. – Чего ты так испугался?

– Там змея, – задыхаясь, прошептал я, указывая на воду. – Огромная змея. Она лизнула меня в ухо. Вот сюда, – и я прикоснулся пальцем к правому уху.

– Змея? – отец внимательно посмотрел на меня. – Ну-ка, расскажи подробнее.

– Он слышал Большого Змея! – вскричала мать, как только я закончил рассказ. – Йосеф, наш сын слышал Змея!

– Никому не рассказывай об этом, – сурово произнес отец. – Никому и никогда. Иначе тебя сразу вышвырнут не только из Хирбе-Кумран, но также из общины.

– Почему, папа? Что я такого сделал, что нарушил?

– Ты ничего не сделал. Но Большой Змей, средоточие магической силы, сам выбирает, к кому обращаться. И те, с кем он разговаривает, не могут оставаться чистыми. Слишком велик соблазн.

– Какой еще соблазн, – спросил я, потирая ухо. – Это было так мерзко и противно.

– Пока он только сорвал с тебя печать, приготовил к разговору. Когда Змей заговорит, устоять перед его предложениями будет совсем не просто.

– Шуа устоит, – вмешалась мать. – Второй учитель должен владеть силами магии. Чтобы успешно бороться с тем же Змеем.

– Думаю, нам все-таки лучше повернуть в Галилею, – задумчиво произнес отец.

Глава IV

Испытание расплавленным свинцом

Ночевали мы в другой пещере, которую отец также отыскал среди утесов. Судя по закопченному потолку, в ней останавливались довольно часто. Мы не стали разжигать огонь, поужинали сухим хлебом, водой и горсткой фиников. Повернувшись лицом на восток, отец долго молился, полностью погрузившись в свои мысли. Мать шепотом уговаривала меня последовать его примеру, и я тоже помолился немного, попросив Всевышнего дать знак, по какой дороге идти, но главное – избавить меня от опасностей. Шершавый холод змеиного языка словно приклеился к уху. При мысли, что встречи со Змеем только начинаются, мне становилось не по себе.

Ночью я проснулся от звука голосов. Родители, сидя у входа в пещеру, тихонько разговаривали. В абсолютной тишине ночи я слышал каждое слово.

– Ты уверена, что он спит? – спросил отец.

– Да, я сейчас проверила. Что будем делать, Йосеф? Змей нашел нашего мальчика. Вестник говорил правду – Гордус обратился к магам.

– Пока его Змей только пометил. Странно, я ведь, когда погружался, проверил, нет ли в пещере посторонних. Все было чисто. Он успел проскользнуть, пока я переодевался и разговаривал с Шуа.

– Мы сумеем добраться до Кумрана? Он не нападет по дороге?

– Змей нападает только в воде. Он ведь дитя подземной тьмы. А в безводной пустыне и под солнцем он бессилен. Учитель Праведности не зря выбрал пустыню для обители избранных.

– А что будет в Кумране? Ведь избранные окунаются по три раза в день. И Шуа пойдет с ними.

– В ессейские бассейны ему не пробраться. Там стоит такая защита – комар не пролетит, не то, что Большой Змей. Кроме того, Шуа сразу обучат растождествляться с телом перед погружением. И тогда змей не сможет отыскать отметину.

– А ты не можешь его этому обучить?

Отец хмыкнул.

– Я давно все забыл, Мирьям.

Голоса смолкли.

– Очень важно, на какой путь его определяют, – нарушил молчание отец. – Шуа лучше всего учиться у Терапевтов. Для пути воинов он не годится: слишком добр и мягок, а для пути Книжников чересчур непоседлив.

– Мой брат уже много лет у терапевтов, – прошептала мама. – Я попробую поговорить с ним.

– Он не станет с тобой встречаться. Ты когда-нибудь слышала про избранного, находящегося под одной крышей с женщиной?

– Мы можем встретиться на улице. Я расскажу ему, кем предназначен стать его племянник.

– Терапевты не любят разговоры про Второго Учителя. По их мнению, всякая власть от Бога, поэтому нужно полностью подчиняться приказам и установлениям царя и Рима. Второй Учитель для них – не более чем образ. Каждый человек должен стать для самого себя вторым учителем, и когда ему откроется истина, это будет для него словно второе пришествие.

Если кому и придется по душе Шуа, так это воинам. Но для них он добр, слишком добр. Впрочем, по какому бы из путей ни пошел наш сын, я бы хотел, чтобы его научили двум глав-

ным вещам: умеренности во всем и победе над страстями. Ладно, Мирьям, уже поздно, иди спать.

– А ты?

– Я посижу до утра. Мало ли что... И вот еще...

Отец замолк. Потом добавил мягким, но решительным голосом.

– Знаешь, мне не нравятся твои разговоры про Второго Учителя. Думаю, мальчику они могут только повредить. Если он действительно такой выдающийся – избранные сами разберутся, как его воспитывать и по какому пути направить. А ребенку его возраста надо думать совсем о других вещах. Учиться скромности, набираться знаний. Перестань твердить ему про второе пришествие. Договорились?

Мать не ответила. На какое-то время все смолкло. Затем раздались странные всхлипы, точно мать плакала или смеялась от радости, перемежаемые тяжелыми вздохами отца. Потом и это затихло. Мать вошла в пещеру и тихонько улеглась рядом. Она уснула почти сразу, ее дыхание стало ровным и почти неслышным, а я долго не мог заснуть. Избранные из Кумрана, небожители, таинственные, скрытые от глаз кудесники, умеющие перемещаться по воздуху, читающие будущее, словно открытую книгу, врачующие самые страшные раны – эти загадочные, недоступные существа, о которых я столько слышал от матери и сверстников ессеев, вдруг приблизились на расстояние вытянутой руки.

Через вход в пещеру я видел краешек неба со звездами, крупными, словно галилейские масляны.

«Завтра, – шептал я самому себе, – завтра я увижу Хирбе-Кумран. Завтра я познакомлюсь с избранными. Завтра...

Я ожидал так много от завтрашнего дня, что стал представлять себе встречу, то, что я скажу Наставнику, с которым обязательно встречу, как меня примут в избранные, как научусь бороться с Большим Змеем, как...

Звезды закачались, поплыли, размазались, и я погрузился в сладкое таинство сна.

Когда я проснулся, снаружи светило яркое солнце. Выбравшись из пещеры, я сразу натолкнулся на мать, она протянула мне кружку с водой для умывания. Отец сидел в тени скалы, вид у него был совсем свежий, словно он крепко проспал всю ночь. После молитвы и завтрака мы двинулись дальше.

Воздух стал уже горячим, очертания дальних холмов плыли и дрожали, а голубое море под нами нестерпимо сияло. Дорога круто брала под уклон, идти было легко. Отец шел впереди, я с матерью чуть сзади, отставая шагов на десять. Я хотел было догнать отца, но мама схватила меня за руку.

– Не торопись, сынок.

В ее голосе прозвучали незнакомые нотки. Я вспомнил ночной разговор про Змея и замедлил шаг.

– Шуа, – мать произнесла мое имя так, словно собиралась начать какой-то рассказ, но осеклась.

– Да, мама.

– Шу-а... – она еще раз произнесла мое имя, медленно выговаривая каждую букву, будто наслаждаясь их звучанием. – Шу-а, мой мальчик.

– Да, мама?

– Ты сильно испугался змея?

– Вовсе нет.

– А почему ты так дрожал?

– От отвращения, мама. Он такой противный и склизкий. А язык у него шершавый и холодный, как лягушка. Б-р-р!

– Послушай, Шуа, – мать говорила с трудом, казалось, она проталкивает каждое слово через невидимую повязку, прикрывающую рот. – Послушай... Я никогда не рассказывала тебе об этом... Кроме меня и отца, ни одна душа на свете не знает тайны твоего рождения. Обещай мне, что будешь молчать.

– Обещаю, мама.

Ее волнение передалось мне, и я невольно замедлил шаг. Широкая спина отца маячила впереди, а мы медленно брели между желтых ухабов иссушенной, обветренной ветрами соленой земли.

– У нас много лет не было детей, – негромко заговорила мать, и в жаркой тишине пустыни я хорошо слышал каждый звук, слетающий с ее уст.

– Мы очень старались, соблюдали все законы, отец много молился, несколько раз ходил в Кумран за благословением Наставника. Мы перепробовали все, оставалось только одно, последнее средство – сорокадневный пост в пустыне. К нему прибегают в самых крайних случаях, и Наставник даже не хотел о нем слышать. Отсутствие детей не было в его глазах таким страшным несчастьем. Но мы считали по-другому, и отец сумел уговорить Наставника.

Того, кто отваживался на сорокадневный пост, замуровывали в одной из пещер пустыни. По ночам в пещеру опускали на веревке маленький ломоть хлеба и мех с несколькими глотками воды. Веревку отпускали, никто не должен был знать, что происходит внутри. Случалось, что испытуемый взывал о помощи или спасении – ему не отвечали. Через сорок дней стену ломали и, если человек оставался жив, его просьбы сбывались. Многие не доживали до конца срока или сходили с ума, поэтому Наставник не хотел разрешить твоему отцу сорокадневный пост.

Твой отец ушел, и я осталась одна отсчитывать дни в пустом домике. Прошло тридцать девять дней. Я работала в поле, когда со стороны моря пришла косматая свинцовая туча. Поднялся ветер, вот-вот должен был хлынуть ужасный дождь.

Я побежала домой, но не успела: тяжелые капли, крупные, точно орехи, начали колотить по моим плечам, голове, ногам. Я увидела раскидистое фиговое дерево и бросилась под его защиту. Дождь полил с такой силой, словно сверху опрокинули огромное ведро. Это была просто сплошная река, текущая с неба на землю.

Стало совсем темно. Мое платье промокло, зуб не попадал на зуб от дрожи. Вдруг я заметила светящийся шар, размером с подушку. Он летал по воздуху перед деревом. То поднимался вверх, то резко падал, почти касаясь земли, и снова взмывал, точно ласточка перед дождем. От него исходило потрескивание, словно от разрываемой ткани.

Волосы на моей голове сами собой встали дыбом. Меня будто ухватила за шиворот рука великана и принялась немилосердно трясти. Дыхание прервалось, глаза выкатились из орбит, язык вылез изо рта. Я заметила, как с моих пальцев стекают полосы голубого огня. Потом шар наткнулся на ветку дерева, и все вокруг вспыхнуло ярким огнем.

Когда я очнулась, то увидела, что края моей одежды обуглились, словно попали в костер. Руки и ноги еле двигались. Я с трудом поднялась и доковыляла до нашей хижины, упала на постель и забылась в беспамятстве. Такой меня нашел отец. Я пролежала без сознания день или два. Он с трудом привел меня в чувство.

После того случая ты появился на свет. Отец уверен, будто причиной тому послужил его сорокадневный пост, но я знаю другое.

Мать замолчала и пристально взглянула на меня, точно сомневаясь, стоит ли продолжать рассказ.

– Небесный огонь вошел в меня, Шуа. Я забеременела от Неба, и ты сын огня, сын Света. Поэтому я не переставала твердить про твою избранность. Тебе нечего бояться Змея, ведь он – порождение подземных вод, дитя Тьмы – не в силах с тобой совладать. Но т-с-с-с, – она прижала

палец к губам. – Больше я не стану говорить с тобой про избранность. Никогда больше. Я обещала твоему отцу. Но больше и не нужно, ты уже взрослый, и Змей раскрыл твой сосуд...

К полудню мы добрались почти до самого берега моря. От сверкающей кромки воды нас отделяло всего несколько стадий, когда отец вдруг свернул с дороги и начал карабкаться по каменистой осыпи холма. Вдоль склона вилась едва заметная тропинка, мы шли и шли по ней, словно собираясь обогнуть холм, пока действительно не оказались на противоположной стороне. Море давно скрылось из виду, нас окружало желтое безмолвие пустыни, нарушаемое лишь посвистом ветра, шевелящегося между почерневших от зноя скал.

Мне казалось, что дорога никогда не кончится, солнце палило беспощадно, а горячий воздух сушил кожу. Я уже начал подумывать о глотке воды из меха, висящего за спиной, как отец вдруг остановился и показал рукой вверх.

– Пришли!

На вершине холма лежал огромный камень причудливой формы. Он резко отличался от других своим цветом: не желтым, не охряным, не бурым и не серым, а иссиня-черным. Его ровная поверхность, блестевшая под солнечными лучами, казалась полированной. Отец подошел к нему и положил руку точно посередине.

– Осторожно, Йосеф! – крикнула мать.

Я понял ее опасения. Черная поверхность камня должна была быть раскаленной, точно сковородка, и отец мог обжечься. Но он лишь улыбнулся и помахал нам второй рукой.

– Поднимайтесь сюда!

Я подбежал первым, бросил взгляд на вид, раскрывающийся с вершины холма, и задохнулся от восторга. Передо мной простиралась долина, окруженная со всех сторон отвесными утесами, пологим был только склон, на котором мы находились. В глубине долины виднелась группа строений, окруженных белой стеной. Одно здание, увенчанное голубым куполом, возвышалось над всеми.

– Ты видишь? – спросил отец.

– Конечно, вижу! Это Хирбе-Кумран?

– Да, сынок. Страж пустыни пропустил тебя даже без прикосновения. Но все-таки положи руку на камень.

Я повиновался. К величайшему удивлению, поверхность оказалась не горячей, а прохладной и даже слегка влажной. Я с удивлением посмотрел на отца.

– Сейчас все объясню, – с улыбкой произнес он, увидев мое недоумение. – Пусть мама сначала прикоснется.

Мать, тяжело дыша, закончила подъем значительно позже меня.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил отец, указывая рукой в сторону Кумрана.

Мать приложила руку к бровям, чтобы уберечься от блеска нестерпимо палящего солнца, и долго вглядывалась в долину.

– Скалы. Осыпи. Засохшие деревья. Больше ничего.

– Вот тут, тут, – отец указал пальцем прямо на голубой купол.

– Коричневый холм, – произнесла мать. – Желтые валуны. Длинная осыпь. Больше ничего не вижу.

– Положи руку на камень, – попросил отец. – Не бойся, – добавил он, заметив промелькнувшее по лицу матери выражение испуга. – Он не горячий.

Мать послушно положила руку на блестящую поверхность камня.

– А теперь?

Она перевела взгляд на долину и вскрикнула.

– О, Владыка мира! Это Кумран?

– Да, – с гордостью ответил отец. – Страж пустыни пропустил нас.

Мы начали спускаться, скользя по мелким камушкам пологой осыпи, и вскоре наткнулись на небольшую пещеру. Пространства внутри едва хватило для нас троих. Это была скорее не пещера, а ниша в скале, но внутри жара не столь давила, и мы уселись передохнуть, прижавшись спинами к прохладной поверхности камня. Отец вытащил затычку из меха и дал нам напиться.

– Учитель Праведности выбрал Кумран для обители избранных, – начал говорить он, пока мы пили, – чтобы избежать общения с язычниками и сынами Тьмы. Но разве есть такое место на земле, куда бы они ни засовывали свои любопытные носы? Поэтому Учитель поставил на краях утесов вокруг долины специальных стражей – заговоренные камни, скрывающие обитель от нечистых глаз. Только сын Света и только после омовения может увидеть Хирбе-Кумран. И то не сразу, а лишь прикоснувшись к стражу.

– Но Шуа увидел обитель без прикосновения! – воскликнула мать и многозначительно поглядела на отца.

– Ничего удивительного, – невозмутимо произнес тот. – Детям присуща особая чистота, после возмужания Шуа уже не сможет с такой легкостью преодолевать стражей. Кроме того, не забывай, что он вчера окупался.

Так вот, случайные путники, которые оказываются в этих краях, видят лишь осыпи, валуны и песок. Если же чужой все-таки каким-то образом сумеет преодолеть стражей и подойти к стенам Кумрана, его ждет встреча с воинами. Неприятная встреча. За полтора века существования обители такое случилось всего несколько раз.

– И что с ними сделали воины? – спросил я.

– Разоружили, связали, доставили к Наставнику, допросили. Случайностей не было, случайно человек не может преодолеть стражей пустыни. Все пойманные оказались магами, пришедшими к стенам Кумрана с нечестивой целью. После суда они получили полагающееся им наказание.

– Отец, а разве стражи пустыни не такая же магия?

– Нет, сынок. По результату похоже, но по сути – совершенно иное. Маг обращается к силам нечистоты, а Учитель Праведности пользовался Святыми именами. Духовное усилие мага порождает демонов, а Учитель созидал ангелов. Когда Всевышний творил мир, все в нем Он создал в противостоянии. Святости противостоит Нечистота, Добру – Зло, улыбке – гнев. Глядя на качества человека, ты можешь понять, с какими духовными силами он взаимодействует. Если он мрачен, раздражителен и суров, как все маги, значит – он связан с силами Тьмы.

Ессей, дитя Света, свету и подобен. Он легок, улыбчив, добр и мягок. Вот этому тебя и будут учить с первого дня. Подобное притягивает подобное, если ты сумеешь приобрести духовные качества, присущие избранным, то откровение Света само тебя отыщет.

– Йосеф, а что это за голубой купол? – спросила мать. – Малый Храм, да?

– Да. Главная наша святыня. Дом Собраний, место, откуда каждый день возносятся молитвы избранных. Настоящий, подлинный Храм.

– А тот, что в Иерусалиме, отец, разве он не подлинный?

– Он был подлинным, пока сыны Тьмы не завалили его нечистотами. Сто шестьдесят лет назад святость переместилась в Кумран и с тех пор ни на минуту не покидает голубой купол.

Вот посмотри, Шуа, и ты, Мири, справа от купола виднеется высокая крыша, это общая столовая. Возле нее большое здание бассейна для погружений и дом Наставника. Слева от Храма располагаются хозяйственные постройки: амбары, кузницы, конюшни, загоны для скота, сараи. Внутри, с северной стороны – башня книжников. А больше наверху ничего нет.

– А где живут избранные? – воскликнула мама. – Где зал упражнений воинов, больницы терапевтов? Где все они спят, где их комнаты?

– Все спрятано под землей, – ответил отец. – За полтора века существования обители подземные помещения расползлись на десятки стадий. Книжники, терапевты и воины роют

в своих направлениях и не рассказывают ничего друг другу. Только Наставник знает, как располагаются подземные переходы. У него, говорят, хранится единственный экземпляр карты, в который каждый год вносят дополнения. Но я не уверен, что этой карте можно полностью доверять.

По подземным коридорам обители можно бродить многие годы, ни разу не выйдя на поверхность. Чего там только нет!

– Там нет света, – сказала мать. – И нет воды, и мало воздуха. А летом в этих подземельях, наверное, можно задохнуться от жары. Бедный, бедный мой мальчик! – Она обняла меня и принялась покрывать поцелуями.

– Не понимаю тебя, Мирьям, – отец с улыбкой покачал головой. – Ты не устаетшь твердить, будто Шуа – избранный. А избранные живут в Кумранских пещерах. Впрочем, если тебя так пугает будущее сына, мы можем прямо сейчас повернуть назад и отправиться в Галилею. Еще не поздно.

– Нет-нет, – мать отпустила мою голову. – Мы идем в Кумран. Но разве тебе не жалко мальчика?

– Вовсе нет. В пещерах не темно и не душно. Я уже не помню, кто именно, кажется, третий Наставник придумал систему зеркал для освещения. До него в каждой пещере оставляли узкую расселину, через которую проникал свет. Света в этом месте очень много, ты ведь знаешь, вокруг Соленого моря почти не бывает дождей, и тучи не заслоняют солнце. Круглый год оно стоит над Хирбе-Кумраном, благословляя его своими лучами. Даже маленькой щелки хватает, чтобы осветить пещеру.

Так вот, при третьем Наставнике первый уровень был полностью исчерпан. Окружающие долину скалы уходят глубоко вниз, и рыть дальше стало практически невозможно. Поэтому начали копать под первым уровнем, и тогда возникла проблема с освещением. Наставник придумал целую систему труб, в которых устанавливались отполированные бронзовые пластины – зеркала. По этим трубам в пещеры второго этажа доходили свет и воздух. При пятом Наставнике в пещерах стало душно, ведь количество избранных и общая длина подземных галерей значительно увеличились. Чтобы избавиться от духоты, вырыли специальные колодцы для воздуха, и теперь по подземельям всегда гуляет легкий ветерок. Поверь мне, там куда более прохладно, чем снаружи. Старики утверждают, будто сухой чистый воздух подземелий и ровный неяркий свет – одна из причин долголетия избранных.

– А сколько живут избранные? – спросил я.

– Долго, – ответил отец. – Очень долго. Больше ста лет. Я сам разговаривал со стариками, помнившими Учителя Праведности, а второй и третий Наставники для многих не праведники из легенды, а друзья юности и бывшие соученики.

Сегодня под землей располагаются четыре этажа пещер, хотя я слышал, будто терапевты давно уже роют на пятом уровне. Кумран полон тайн, жизнь избранных сама по себе величайшая тайна. Стать одним из них не просто великая честь, но и огромное удовольствие.

– Удовольствие? – удивился я.

– Да, удовольствие. Нечестивцы понимают под этим словом плотские утехи, но самое высокое, ни с чем не сравнимое наслаждение – это духовное блаженство. Тело ограничено, ты не можешь съесть больше двух или трех килограммов мяса, не можешь спать больше восьми-десяти часов подряд. А духовные удовольствия безграничны: им нет ни края, ни конца. Однако пора идти.

Отец выбрался наружу, мы последовали за ним и спустя полтора часа уже стояли перед белой стеной Хирбе-Кумрана. Мне она показалась головокружительно высокой, но сейчас, спустя годы учения, я точно знаю ее размеры.

Стена, окружающая обитель, неровная, ее строили в разное время представители разных направлений ессеев. Воины, считавшие, будто ограждение только понижает боевой дух и

моральные качества, возвели южную и восточную стороны. Их высота примерно десять-двенадцать локтей. Книжники строили северную, они украсили ее башней, на верхней площадке которой раскладывают пергаменты после выделки. По мнению книжников, пергамент, высушенный первыми лучами восходящего солнца, приобретает особенную прочность. Северная стена достигает двадцати локтей, а зубцы верхней площадки башни – пятидесяти.

Вход в Хирбе-Кумран находится с запада. Тут работали терапевты, они возвели огромную входную арку, две башни справа и слева от входа и подняли стену на высоту сорока локтей. С холма, где притаился страж пустыни, и откуда подходящий к обители бросает на нее первый взгляд, видна именно эта сторона, производящая особенно сильное впечатление. Гигантские створки ворот, окованные пластинками из чистого золота, могут сдвинуть с места только десять человек. Стены покрыты ослепительно белым эгейским мрамором, и если подходить к Кумрану во второй половине дня, когда солнце освещает из-за спины золотые ворота и белые стены, невозможно не удержаться от возгласов изумления и благоговейного трепета.

Перед воротами нас встретил стражник: эссей лет тридцати в простой коричневой тунике, кожаных сандалиях и широкополой соломенной шляпе. Его лицо было почти черным от загара, а глаза желты, точно пустыня, которую он постоянно рассматривал, наложила на них свой неизгладимый отпечаток. Волосы стражника были очень коротко, по-ессейски, подстрижены, а в руках он держал веревку с завязанным на конце узлом.

– Видишь веревку, – тихо произнес отец, пока мы приближались к стражу. – Это самое страшное оружие воинов. Ты и представить себе не можешь, что они делают с ее помощью.

– Ну, – презрительно фыркнул я, – что может поделаться веревка против меча.

Отец лишь улыбнулся.

Лицо стражника выражало приязнь и расположение.

– Здравствуйте, братья, – приветливо обратился он к нам. – Труден ли был путь? Проходите в обитель, омойте ваши ноги и подкрепитесь.

– Здравствуй, брат, – ответил отец. – Путь был легок и быстр. Я рад снова увидеть Кумран. Вот мой сын, я привел его на экзамен.

– О, – почтительно произнес стражник, – такой молодой и уже на экзамен! Желаю успеха, да поможет тебе Свет.

– С нами моя жена, – продолжил отец, указывая на мать. – Она тоже впервые.

– Здравствуй, сестра, – мягко, но уже не так приветливо произнес стражник. – Если ты пойдешь направо, то у конца восточной стены найдешь хижину, приготовленную для гостей. Там ты сможешь отдохнуть и дожждаться мужа.

– Так я не смогу даже войти внутрь? – удивилась мать.

Отец виновато понурился.

– Под своды этих ворот, – твердо сказал стражник, – никогда не ступала нога женщины. За сто тридцать два года существования обители ни одна дочь Света не вошла внутрь. Так решил Учитель Праведности, не сделав исключения даже для собственной матери.

– Шуа, – мать протянула ко мне руки. – Дай обниму тебя на прощание.

Честно говоря, неловко обниматься на виду у незнакомого человека. Но не это главное: суровость тона стража и виноватый вид отца оказались красноречивее любых объяснений.

Несколько мгновений я не знал, как поступить. Мать стояла с блестящими от слез глазами, протянув ко мне руки. Я припомнил наши вечера, трепещущее пламя светильника и сияющие в его лучах глаза матери, вспомнил ее голос, ее рассказы, и бросился в ее объятия.

– Он совсем еще ребенок, – услышал я за спиной голос стражника. – Ему не пройти вступительных испытаний.

Мать покрывала поцелуями мою голову и лицо, гладила мои плечи, руки. Я целовал ее в ответ, еще не зная, что расстаюсь с ней на долгие, долгие годы.

В толще арки была небольшая калитка, прикрытая дверью, обшитой зеленоватыми медными листьями с крупными выпуклыми нашлапками, стражник легонько постучал по двери, и она медленно отворилась.

– Бассейн направо, – сказал он отцу. – Оттуда вас проводят.

Мы вошли в узкий коридор, дверь затворилась, оставив нас в полутьме. Коридор был пуст, далеко впереди виднелся освещенный солнцем проем.

– Это избранный? – спросил я отца, показывая рукой на дверь, за которой остался стражник.

– Конечно! Иначе бы он не жил в Кумране.

– Какой-то он... – я замялся. Избранные представлялись мне возвышенными, отрешенными от мира созданиями, погруженными в тайны устройства мира, существами, больше похожими на ангелов, чем на людей. От стража пахло потом, его запыленные сандалии, темная от загара кожа, простая туника не совпадали с существовавшим в моем воображении образом.

Отец понял мои сомнения.

– Видишь ли, – сказал он, – в среде избранных существуют разные уровни. Мы сейчас столкнулись с одним из самых низших, иначе бы этот достойный всяческого уважения брат не стоял бы у ворот. Ты увидишь избранных работающих в кузнице, убирающих двор, пекущих хлеб, работающих в мастерских. Все в Хирбе-Кумран делается руками ессеев.

Но есть избранные, полностью погруженные в духовную работу. Это Наставники, главы направлений – Терапевт, Воин, Книжник – и еще несколько десятков братьев, отмеченных печатью Света. Даже обладая талантом, к их уровню нужно подниматься многие годы. Но пойдем, мы не можем так долго оставаться в коридоре.

Я прикоснулся рукой к стене. Крупные, хорошо обтесанные блоки на ощупь казались прохладными. Если здесь, на поверхности, стоит только укрыться в тень, жара сразу перестает давить, то насколько же приятно под землей, в сухих, продуваемых ветерком пещерах!

Мы прошли по коридору и оказались во дворе обители. Прямо передо мной возвышалось величественное здание Дома собраний. Колонны, арки, стрельчатые окна, лестница из белого мрамора, ведущая к входу, двери, облицованные золотом так же, как и ворота Кумрана, блестящие под лучами солнца, и над всем этим огромный голубой купол. При нашем появлении стая птиц с шумом сорвалась с карниза и, обогнув здание, скрылась с глаз.

– Священные голуби, – сказал отец. – Они перелетели сюда из Иерусалимского Храма. Сами перелетели, лет шестьдесят назад, и теперь живут тут, на крыше Дома Собраний. Это особый вид голубей, ощущающих святость. В Иерусалиме их приносили в жертву, а в Кумране их никто не трогает.

– Так что, в Иерусалиме уже шестьдесят лет не приносят в жертву голубей? – спросил я.

– Если я буду отвечать тебе на все вопросы, мы простоим на месте до вечера. Идем в бассейн.

Мы двинулись вдоль стены по неширокому проходу, оставленному доходящим до пояса деревянным частоколом. Насколько я мог видеть, он шел возле стены, поворачивая вместе с ней. Частокол был сделан из аккуратных столбиков, вбитых в землю через каждые два шага. Между столбиками вились сухие виноградные лозы. Этот частокол я мог преодолеть одним прыжком. Кому и для чего понадобилось сооружать столь огромный и бесполезный забор?

– Он не для зверей и не против злоумышленников, – ответил отец. – Забор очерчивает границу чистоты, ессей, не побывавший в бассейне, не может зайти внутрь обители дальше этого забора.

– Но мы ведь окунались! И страж пустыни дал нам пройти.

– Верно, но теперь нам предстоит подняться на более высокую ступень святости. Поэтому стражник и послал нас в бассейн. Все, Шуа, больше ни одного вопроса. Ты молча идешь за мной и делаешь то же, что делаю я. Понятно?

– Понятно.

Идти пришлось довольно долго. Странно, но снаружи обитель не казалась такой огромной. Мы шли вдоль западной стены, и я думал, будто она вот-вот упрется в южную, но конца все не было видно. Стена постоянно изгибалась, поэтому я мог видеть лишь небольшую ее часть.

Отец остановился перед небольшой дверью в каменной кладке, открыл ее и стал спускаться вниз по истертым ступенькам. Ступени привели нас в просторный зал с большими бассейнами, наполненными водой. Из проема в центре потолка лился солнечный свет. В зале было пусто. Отец подошел к широкой мраморной скамье возле одного из бассейнов и начал раздеваться. Когда на нем осталась только набедренная повязка, он сделал мне знак отвернуться. Я отошел к соседнему бассейну и стал рассматривать дно, выложенное черными и белыми плитками.

Сзади раздался громкий всплеск. Вода в моем бассейне вздрогнула. Отец окунулся семь раз, и семь раз по поверхности воды в моем бассейне пробежала легкая рябь.

– Раздевайся.

Я быстро скинул с себя одежду и по ступенькам вошел в бассейн. Вода оказалась ледяной, у меня сразу перехватило дыхание. Откуда посреди пустыни могла взяться такая чистая, холодная вода?

– Окунись семь раз, – раздался голос отца.

Я уже приготовился было опуститься под воду, как вспомнил о Змее. Неужели он ждет меня здесь, в священной обители? Но ведь отец говорил, будто есеейские бассейны защищены специальным благословением и в них ему не пробраться.

– Окунайся, окунайся же.

Я закрыл глаза и бросился в воду. Мое тело обожгло холодом, но того, что я так боялся услышать, не случилось – Змей молчал. Я выскочил из воды, перевел дыхание и снова погрузился. На этот раз вода уже не показалась мне такой холодной, а к седьмому погружению я вполне привык и готов был окунаться еще и еще.

– Хватит, – скомандовал отец. – Вылезай.

Я выбрался из бассейна, согнал ладонями воду с тела и натянул одежду. Мы двинулись к выходу, как вдруг прямо из стены вышел человек и загородил нам дорогу.

– Вам сюда, – он указал рукой на открывшийся проход.

Наверное, его закрывала каменная дверь, полностью сливавшаяся со стеной, поэтому, проходя внутрь зала, мы ничего не заметили. Человек мне не понравился. Он был совершенно лыс, с шишковатой головой, узкими губами и неподвижным взглядом тусклых глаз.

– На развилке повернете влево, а потом еще раз влево.

От его объемистого брюха веяло холодом, словно от бассейна. Как только мы вошли в проход, он немедленно затворил дверь, и нас окружил мрак настоящего подземелья Кумрана.

– Не двигайся, – прошептал отец. – Пусть глаза привыкнут к темноте.

В подземелье было прохладно и сухо. Ветерок я не ощутил, но дышалось тут гораздо легче, чем на прокаленной солнцем поверхности. Скоро глаза привыкли, и я различил впереди небольшое пятнышко света.

– Видишь свет? – спросил отец.

– Да.

– Пошли.

– А мы не заблудимся?

– Иди следом и держись рукой за стену.

Пол полого спускался вниз, но идти оказалось совсем близко, темнота искривляла пространство. На стене узкого коридора, шагах в тридцати от входа в подземелье, дрожало круглое желтое пятно. Я поднял голову и увидел в потолке небольшое отверстие, из которого выливался свет.

– Это трубы, придуманные третьим Наставником?

– Молодец, запомнил, – голос отца звучал чуть приглушенно.

Я всунул ладонь в желтое пятно и вполне явственно ощутил тепло. Ладонь ярко и ровно освещена, с помощью пятна можно читать свитки и делать записи.

– Мама зря боялась, – сказал я. – Тут светло и не жарко.

– На четвертом уровне подземелье выглядит совсем по-другому, – ответил отец. – Правда, учеников не пускают дальше второго, поэтому для тебя обитель еще много лет будет выглядеть вот таким образом.

Он двинулся дальше, и я последовал за ним, держась рукой за стену. Спустя пятьдесят шагов мы вышли к развилке. Желтое пятно освещало вход в темный коридор, уходящий направо, но мы, помня указание лысого, пошли влево.

– Папа, – спросил я, – а откуда ты столько знаешь про Кумран?

Отец помолчал, а затем негромко произнес.

– Я жил здесь когда-то.

– Так ты был избранным? – я еле удержался от крика.

– Да. Был избранным.

– Что же произошло, папа? Почему ты не остался здесь, почему ушел?

– Я встретил твою мать, Шуа. И понял, что без нее не смогу жить дальше.

– Но где ты мог ее встретить, папа? Разве избранные встречаются с женщинами?

– Я потом расскажу тебе об этом, Шуа. Когда ты вырастешь.

Он вдруг остановился. Слева от нас чернел вход в коридор. Внутри него, в отличие от того, по которому мы шли, было абсолютно темно. Вход казался куском черного полотна, повешенного на стену.

– Такой черный коридор означает испытание. Не для меня, конечно, – отец горько усмехнулся, – свои испытания я давно провалил. Иди вперед и ничего не бойся. Вообще, запомни хорошенько правило: в обители нельзя бояться. Никого и ничего. Кумран – самое безопасное место в мире. Давай, – он легонько подтолкнул меня по направлению к входу. – Иди смелее, иди.

Я сделал шаг и остановился. Мое сердце замерло. Комок подкатил к горлу. Обернувшись, я посмотрел на отца.

– Иди, – он снова толкнул меня.

Вытянув руки, я прикоснулся к краям входа. Коридор внутри оказался узким, разведя руки, я мог дотронуться кончиками пальцев до обеих его стенок. Камень внутри ничем не отличался от того, которым выложен наш коридор.

«Наш»! Теперь это плохо освещенное подземелье представлялось мне верхом уюта и безопасности. Я глубоко вдохнул и, как в холодную воду, нырнул в темноту.

Пройдя несколько шагов, я остановился. Совершенно темно и тихо. Мои уши словно заложило водой, как после купания. Вдруг я ощутил дуновение ветерка, будто где-то там, в чреве темноты, открылось окно. Ветерок приятно освежал горящее от волнения лицо.

Я постоял еще немного и двинулся дальше, ощупывая руками стены и делая маленькие осторожные шажки. Больше всего я боялся свалиться в какую-нибудь яму или подвернуть ногу. Но почему отец не идет за мной? Ах да, испытание! В чем же оно состоит, это испытание? В блуждании по темному коридору?

Вдруг правая рука потеряла стенку. Я быстро отступил на шаг. Стенка на месте. Шагнул вперед – пустота. Ветерок дул оттуда. Значит – справа проход. Но что делать, поворачивать в него или идти дальше? Толстяк с узкими губами сказал: потом еще раз влево. Значит, не сюда.

Оставив правую руку вытянутой на уровне плеча, я пошел дальше, и вдруг... Вдруг кто-то, скрывавшийся в темноте, схватил мою правую руку и сильно дернул меня к себе. Не успев

сообразить, что делаю, я выпустил томление из правой руки и изо всех сил всадил его, в сто крат усиленное страхом, в невидимого противника.

Из прохода раздался стон, пальцы, сжимавшие мою руку, разжались, и в то же мгновение в подземелье вспыхнуло пятно желтого света. Прямо передо мной стоял человек в черном плаще с капюшоном, закрывающим лицо. Он сделал резкое движение и пропал в стене. Движение было очень быстрым, черный плащ взметнулся, точно крылья огромной летучей мыши, затем раздался едва слышный скрип – и стена сомкнулась.

Я подошел к стене – совершенно ровная поверхность, стыки между камнями облицовки проходят на разных уровнях, и понять, где располагается тайный вход, невозможно. За спиной слышались шаги.

– Молодец, Шуа, – голос отца звучал взволнованно. – Не испугался темноты и неизвестности, молодец.

– Ты видел его? – спросил я.

– Кого?

– Человека в черном плаще.

– Тут был человек в черном плаще? – настороженно спросил отец.

– Да. Он схватил меня за руку, а потом скрылся в стене.

Отец нахмурился.

– Как ты сумел вырваться?

– Я... в общем... помнишь, я рассказывал про томление?

– Ты его ударил?

– Да. Он застонал, потом появился свет, и он сбежал в стену.

– Понятно. Похоже, борьба за тебя начинается еще до главной проверки.

– А разве будут еще проверки?

Мне очень не хотелось брести снова одному в крошечной темноте, теперь уже зная, что в глубине мрака могут поджидать ледяные пальцы.

– В черных плащах ходят воины. Похоже, они хотели забрать тебя к себе, не дожидаясь результатов главной проверки. Обычно новичку устраивают два испытания. Первое – темнотой и неизвестностью, второе – расплавленным свинцом. После проверок определяют, в каком направлении будет продвигаться новичок. Но сегодня воины поторопились. Видимо, известие о твоих способностях уже достигло Кумрана.

– Расплавленным свинцом? Папа, я не хочу этой проверки!

– Не бойся. Это совсем не больно. Свинец к тебе не прикоснется.

В глубине коридора вспыхнул яркий свет. Куда более яркий, чем тот, который создавало желтое пятно.

– Тебя зовут, Шуа. Иди.

Я быстро прошел по коридору и оказался в небольшой комнате с высоким сводчатым потолком. Из верхней точки купола через большое отверстие лился солнечный свет. Но это я разглядел позже, а в то мгновение мое внимание приковал к себе человек, стоящий посреди комнаты в столбе падающего сверху света.

Он выглядел так, как я представлял себе избранного. Белый, прикрывающий колени хитон, подпоясанный широким белым поясом со свешивающимися кистями, белые штаны до щиколоток, белый тюрбан на голове, длинная белая борода. Темное лицо без возраста. Судя по морщинам, ему было много лет: шестьдесят, семьдесят или девяносто. Избранный смотрел, чуть прищурившись, и его голубые глаза, казалось, буравили дырку у меня во лбу.

Не выдержав, я перевел взгляд на пол и заметил, что избранный бос. Мне сразу припомнились рассказы матери, как Учитель Праведности ввел правило ходить без обуви по святой земле обители. Подобно тому, как жрецы в Иерусалимском Храме приносили жертвы босиком,

кумранские ессеи выполняли свою духовную работу тоже без обуви. А поскольку избранный постоянно погружен в духовную работу, он всегда остается босым.

– Назови свое имя, – голос избранного звучал строго, но доброжелательно.

Я оглянулся. Отец стоял у входа в комнату, не переступая порога.

– Шуа, сын Йосефа.

– Ты сын Света?

– Да.

– Откуда ты знаешь об этом.

– Мама рассказала. И отец.

– Что ты умеешь?

– Читать, писать, молиться, знаю наизусть первые две главы Пятикнижия.

– Зачем ты пришел в святую обитель?

– Я хочу стать избранным.

– Знай, Шуа, войдя в Хирбе-Кумран, ты навсегда оставляешь за его стенами отца, мать, братьев и сестер. Твоим домом станет святая обитель, а семьей – избранные. Готов ли ты к этому?

Я оглянулся на отца. Он едва заметно кивнул.

– Готов.

– Тогда сядь и приготовься к испытанию. Молись, Шуа; пусть Вышний Свет станет твоим заступником.

Избранный вытащил из ниши в стене бронзовую треногу и установил ее посередине комнаты. Затем достал из той же ниши дрова, сложил под треногой и поджег. Пламя быстро занялось, дрова были сухими, и дым, поднимаясь вверх ровным столбиком, попадал точно в отверстие посреди свода.

Избранный подвесил к треноге черный от копоти горшочек и высыпал в него серый порошок из кожаного мешочка. Затем достал из ниши большую сковороду.

– Слушай меня, Шуа. Сейчас я расплаблю свинец, поставлю тебе на голову эту сковороду и вылью на нее расплавленный свинец. Будет немного горячо, но не больно. Свинец, застывая, покажет нам направление твоих мыслей и уровень твоей духовности. Если он недостаточен, ты вернешься по коридору, по которому пришел, и немедленно покинешь обитель. Будем надеяться, что этого не произойдет. Приготовься.

Я попытался собраться с мыслями. Как готовиться, что я должен делать? Молиться? Повторять наизусть Святое Писание? Думать о Свете? Никто и никогда не рассказывал мне о таком испытании, не объяснял, как себя вести.

Комната наполнилась неприятным запахом. Дрова так не пахнут, дымок костра был мне хорошо знаком. Запах несся из черного горшочка.

– Встань, Шуа, – приказал избранный. – Подойди ко мне, ближе, вот так. Опустит руки, закрой глаза. Молись.

Я услышал легкий стук – избранный снял с треноги горшочек с расплавленным свинцом. Затем на мою макушку опустилась сковорода, и раздалось шипение. Голову слегка обожгло – избранный ошибался, говоря, будто я не почувствую боли. Не думая, не отдавая отчета в том, что происходит, я поджал пальцы, постаравшись направить их вверх, и выпустил томление, пытаясь остановить льющийся на меня расплавленный свинец. Томление легко прошло сквозь сковороду, и, почувствовав тонкую струйку металла, я стал разбрасывать ее в разные стороны, опасаясь, что она прожжет дырку в сковороде. Когда струйка закончилась, я просунул невидимое продолжение пальцев между сковородой и макушкой и прикрыл голову.

Все это время избранный шептал непонятные слова. Я думаю, он произносил заклинание, составленное из святых имен ангелов. Если прислушаться, возможно, я бы смог уловить какой-нибудь смысл, но в тот момент мне было не до того.

Со сковородой на голове я простоял еще несколько мгновений, и вдруг – все закончилось. Горячая тяжесть отпустила мою голову.

– Можешь открыть глаза, Шуа, – прозвучал взволнованный голос избранного. Он стоял передо мной, держа в руке сковороду с серой лепешкой застывающего свинца, и внимательно разглядывал ее. На лице избранного было написано крайнее изумление. Когда свинец застыл, он всунул сковородку прямо в желтый столб солнечного света, и еще раз, точно не веря глазам, внимательно рассмотрел.

– Не может быть, – наконец прошептал он, в изнеможении опуская сковороду на пол. – Не может быть.

Подойдя к стене, в которой на уровне головы рядами располагались несколько десятков маленьких отверстий, он прижал губы к одному из них и что-то быстро зашептал. Потом приложил ухо к тому же отверстию, послушал, опять прижал губы, снова послушал, удовлетворенно кивнул головой и вернулся ко мне. Его лицо приобрело прежнюю важность.

– Сейчас, Шуа, ты удостоишься чести, небывалой для ученика. Сам глава направления Терапевтов решил ознакомиться с результатами твоего испытания. Гордись! Счастлив ты и счастливы твои родители!

Он посмотрел в полумрак коридора, где виднелась фигура моего отца.

Прошло довольно много времени, костер догорел, избранный спрятал треногу, собрал золу в глиняный горшок, еще раз внимательно осмотрел свинец на сковородке, а Терапевт все не шел. Макушка, обожженная сковородкой, ныла все сильнее и сильнее. Я устал стоять и присел, облокотившись спиной о стену. Потом повернул голову и прижал макушку к прохладному камню.

Нытье перешло в боль, боль спустилась от макушки ко лбу и вискам. Острые иглы то впивались глубоко под кожу, то выскакивали наружу. Я попробовал тереть лоб рукой, но боль только усилилась. Когда же он придет, верховный Терапевт? Избранный назвал меня учеником, значит, я прошел испытание. Но что такого углядел он в свинцовой бляшке, распolzшейся по сковородке? Я попытался думать об этом, но усиливающаяся боль отогнала мысли. По вискам словно били два острых молоточка, и каждый удар тяжелым эхом отзывался в макушке.

Но вот до моих ушей донесся тихий скрип. Он исходил прямо из стены справа от меня. Я уставился на нее во все глаза и на этот раз сумел все подробно рассмотреть.

Часть стены повернулась вовнутрь, как поворачивается входная дверь в лавках. Из возникшего проема выскользнул высокий ессей, и стена моментально вернулась на прежнее место. Все произошло очень, очень быстро, и если бы я не таращился на стену, вряд ли бы понял, что же тут происходит.

Ессей был одет так же, как избранный, только пояс, затканый серебряными нитями, пошире. Выглядел он молодым, во всяком случае, в его короткой каштановой бородке и мягких усиках еще не появилась седина.

– Брат Реувен! – вошедший протянул руки к избранному, и тот слегка склонился в ответственном поклоне.

– Учитель Асаф! – избранный прикоснулся ладонями к ладоням вошедшего.

– Шуа, – Терапевт повернулся ко мне, и я, морщась от боли, поднялся на ноги. Он быстро приблизился и положил руку прямо на мою обожженную макушку. Его рука была прохладной и мягкой, и от ее прикосновения саднящее жжение тут же исчезло.

– Потерпи немного, – сказал Терапевт. Не убирая ладонь с макушки, пальцами второй руки он сжал мою переносицу. Боль была так сильна, что у меня потемнело в глазах. Я попытался вырваться, но Терапевт крепко держал переносицу, а рука, лежащая на макушке, не давала возможности даже пошевелить головой. Так продолжалось несколько мгновений, и вдруг Терапевт резко убрал руки. Я отскочил в сторону, опасаясь, как бы он опять не схватил

меня за нос, и понял, что боль исчезла. Ее словно вынули из моей головы, она пропала полностью, не оставив после себя ни следа, ни напоминания.

– Стало легче? – участливо спросил Терапевт.

Я кивнул. Слезы благодарности проступили на моих глазах. Разница в ощущениях была огромной, я уже не понимал, как мог столь долго терпеть такую страшную боль.

– Ну, а теперь давай посмотрим результаты испытаний.

Говорил Терапевт мягким приятным голосом, каждое слово будто само выкатывалось из его рта, привязанное к другому невидимой веревочкой.

Он взял сковороду, сунул ее в желтый столбик света и долго рассматривал.

– Ты прав, брат Реувен, – наконец произнес он. – Это действительно нечто удивительное.

Терапевт опустил сковороду на пол, подошел к стене, ловким поворотом пальцев открыл небольшое отверстие и приник к нему ртом.

– Приведи его ко мне, – раздался голос сверху. Он несся прямо из потолка, и я, стыдно теперь признаться, решил, что с нами беседует сам Всевышний. В рассказах моей матери о праотцах, царях и пророках Бог то и дело обращался к своим избранникам, поэтому мне показалось естественным и нормальным, что Всевышний разговаривает с главным Терапевтом в подземелье святой обители.

Терапевт снова прижал губы к отверстию в стене.

– Да, прямо сейчас, – произнес голос.

– Пойдем, Шуа, – сказал Терапевт, поднимая сковороду. – Брат Реувен, я сам провожу гостей.

Он посмотрел в коридор, где стоял отец.

– Йосеф, ты можешь присоединиться к нам.

Мы шли долго, постоянно спускаясь ниже и ниже. Разница между этажами почти не ощущалась, везде было темно, сухо, иногда меня овеивал легкий ветерок, вылетающий из боковой галереи. Подземелье освещалось редкими световыми пятнами, но глаза уже привыкли к темноте и я не испытывал ни страха, ни неудобства. Передо мной шел сам верховный Терапевт, а за спиной отец. Разве можно придумать более безопасное положение?

Но на душе было беспокойно. Чего они ждут от меня, какие необычайные способности я должен проявить? Кроме томления, выскакивающего из моих рук, точно суслик из норки, во мне нет ничего необычного. Да и томление это скорее похоже на недуг, на странную особенность тела, чем на что-то святое и удивительное.

Внезапно Терапевт остановился посреди темной галереи.

– Шуа, – голос его звучал очень проникновенно. – Ты первый ученик за всю историю обители, которого приглашают к Наставнику сразу после испытания. Всевышний наделил тебя особыми способностями, но это означает лишь одно – тебе придется работать куда больше других учеников. Никаких поблажек, никакого отдыха. Ты должен как можно быстрее пройти обучение и приступить к работе.

Терапевт положил руку на стену и ловким движением отодвинул дверь. Посреди большой, совершенно пустой комнаты в глубоком кресле сидел человек. Выглядел он очень старым, длинная белая борода лежала на коленях, голова заметно тряслась. Когда мы вошли в комнату, он поднялся нам навстречу.

Голову Наставника покрывал белый тюрбан, одет он был точно так же, как избранный и Терапевт, только широкий пояс покрывали не серебряные, а золотые нити.

– Так это и есть тот самый Шуа, из-за которого царь Гордус перерезал сто двадцать шесть мальчиков Эфраты? – тихим голосом спросил Наставник.

У меня замерло сердце. Я совершенно забыл про донесение эфратского Вестника. Значит, царь выполнил свою угрозу? Неужели я повинен в смерти ста двадцати шести детей?

– Вот, учитель, – Терапевт с поклоном протянул Наставнику сковороду. – Посмотрите.

– погоди, Асаф, – Наставник мягко отвел сковороду. – Подойди ко мне, мальчик.

Я приблизился. Все смешалось в моей голове. Страх перед Наставником, который, говорят, видит человека насквозь до седьмого колена, гордость за то, что я стою в самой сокровенной комнате Кумрана, внезапно накатившая усталость, острое сожаление о том, что мама не может видеть этого вместе с нами, и самое главное: боязнь, что меня принимают за кого-то другого, настоящего, наделенного подлинными способностями.

– Ты и есть настоящий, – тихо сказал Наставник, словно отвечая моим мыслям.

Он взял мягкими руками мою голову и поцеловал в лоб. Его губы были прохладными, а пахло от них горьковатой свежестью, словно от куста мяты на рассвете. Мне показалось, будто сквозь голову перекатилась холодная волна, будто я снова окунаюсь в бассейн, нет, в быструю весеннюю речку возле Эфраты, ту, что летом полностью исчезает и только весной несетя через ущелье, мама мне запрещала ходить туда купаться, но я тайком бежал вместе с другими ессеями мальчишками, и вот мама стоит на берегу и машет рукой, а волна снова перекачивается через меня, но это не волна, а светящийся шар, я прячусь под деревом, идет дождь, вся одежда намочена, но это уже не я, а мама, и...

– Асаф, теперь покажи сковороду.

Наставник опустил руки, а я невольно отступил назад, вернувшись на прежнее место. В моей голове стало светло и тихо, словно ее хорошенько промыли холодной водой. Я больше ничего не боялся, я полностью доверял избранному, Терапевту, Наставнику, даже страж у входа в подземелье уже не вызывал неприязни.

Терапевт поднес к лицу Наставника сковороду, и тот внимательно осмотрел свинцовую бляшку.

– Йосеф, – Наставник повернулся к отцу.

Тот подошел и с поклоном поцеловал протянутую ему руку, я никогда еще не видел на лице отца столь почтительного и нежного выражения.

– Йосеф, вот об этом мальчике, – он указал на меня подбородком, словно в комнате находился еще один мальчик и отец мог перепутать, – ессеи молились сто шестьдесят два года. Я рад, что он оказался твоим сыном. Но ему нечего делать в миру, Йосеф. Шуа должен стать настоящим есеем, а потом...

Наставник тяжело вздохнул и сел в кресло.

– Учитель, – голос отца дрожал. – Учитель, мы с женой горды и счастливы. Но нет ли тут какой-либо ошибки?

– Ошибки? – Наставник слабо улыбнулся. – Погляди на сковородку, Йосеф. Ты ведь еще не успел позабыть то, что учил когда-то в Кумране.

Отец взял сковороду из рук Асафа, поднес ее к глазам и слабо охнул.

– Вы правы, Учитель.

– Попрощайся с сыном, Йосеф.

– Разрешите ему обнять мать.

– Нет, Йосеф. Теперь ему нельзя покидать обитель. Но он может посмотреть на мать со стены.

Всю длинную дорогу обратно на поверхность отец держал меня за руку. Терапевт шел перед нами, на расстоянии нескольких шагов, словно давая нам возможность поговорить напоследок. Но отец молчал.

– Что ты увидел на сковородке, папа? – спросил я шепотом.

– Свинец отражает состояние души, – тихо ответил отец. – Человек неровен, поэтому свинец всегда застывает бугорками и впадинами. Чем больше они разнятся по высоте, тем сильнее страсти, будоражащие душу, тем сложнее сопротивляться их влиянию, и тем ниже духовный уровень. У нечестивцев свинец застывает волнами. У начинающих есеев насчитывают семь-

восемь бугорков и впадин, у продвинутых – три-четыре, у глав направлений и Наставника – один-два. Для приема в ученики необходимо, чтобы бугорков было не больше десяти.

– А сколько было у меня, папа?

Отец надолго замолк. Мы шли темными переходами моего нового дома, и теперь они вовсе не казались мне страшными.

– У тебя, – отец закашлялся, словно не решаясь сказать, – у тебя свинец был ровным и гладким, точно зеркало.

Глава V

Что такое паамон, или Первый день в обители

Я долго стоял на стене, глядя, как уменьшаются на фоне огромной пустыни фигурки отца и матери. Слезы сами собой навернулись на глаза, но я не хотел показывать свою слабость стоящему рядом верховному Терапевту и лишь часто моргал. Но вот они хлынули ручьем, я поднес к глазам рукав и с силой потер, желая остановить предательскую соленую влагу. На несколько мгновений все потемнело, а когда я снова смог разглядеть желтые холмы и лазоревую полосу Соленого Моря, родители уже растворились в серой дымке.

– Пойдем, Шуа, – Терапевт ласково положил руку на мое плечо. – Не плачь, перед тобой раскрывается новая жизнь, куда более интересная, чем прежняя. Ты еще будешь праздновать сегодняшний день, как день своего настоящего рождения.

Я изо всех сил отрицательно замахал головой. Терапевт улыбнулся.

– Идем, идем.

Мы спустились по примыкающей к стене лестнице. Ее ступени были раскалены так, что обжигали даже сквозь подошвы сандалий. Терапевт шел босиком и, казалось, не испытывал никакого неудобства.

– Вам не горячо? – спросил я, указывая пальцем на его ноги.

Он снова улыбнулся, но не ответил. Мне стало стыдно. Если бы неделю назад я рассказал кому-нибудь в Эфрате, что увижу Наставника и стану вот так запросто беседовать с верховным Терапевтом, меня бы подняли на смех. Эта история походила на одну из тех, которые мама рассказывала перед сном, когда язычок пламени в грубом глиняном светильнике трепетал и бился под порывами ночного ветерка.

Впрочем, в маминых рассказах у пророков или Наставников всегда спрашивали важные, главные вещи, а не задавали дурацкие вопросы. Верховный Терапевт мог ходить по воде, летать по воздуху, мог заглядывать в будущее и оживлять мертвых. Я понурил голову. Насколько же наивно и по-детски звучал мой вопрос!

Возле двери, ведущей в зал с бассейнами, Терапевт остановился.

– Все, Шуа. Дальше ты пойдешь сам. Брат Звулун все тебе объяснит. Желаю успехов.

Он ласково потрепал меня по затылку, повернулся и пошел обратно к воротам. Я следил за ним, пока он вдруг не сделал быстрое движение и скрылся в стене. Наверное, там была потайная дверь. Меня уже не удивляли мгновенные исчезновения или появления. Обитель соткана из тайн, наполнена скрытыми переходами и секретными галереями. Теперь мой дом здесь, и все эти секреты скоро станут моими.

Я медленно спустился по истертым ступенькам. Лысый ессей ждал меня у входа.

– Добрый день, брат Звулун.

Он неодобрительно хмыкнул.

– Братьями будешь называть других учеников. А избранных изволь именовать «учитель».

Понятно?

– Понятно, учитель Звулун.

– Вот так-то оно лучше. Иди за мной.

Мы пересекли зал и вошли в небольшую каморку.

– Раздевайся, кидай свое тряпье на пол и садись вот сюда.

Он похлопал рукой по гладкому камню посреди каморки. Я сбросил одежду и сел. От прикосновения холодного камня к голому телу по моей коже побежали мурашки.

– Если бы ты знал, кто только ни сидел на этом камне, – пробормотал из-за моей спины учитель Звулун, – ты бы не ежился, а восседал, словно царь на троне. Все избранные, начиная с учеников Третьего Наставника, прошли через мои руки.

Он крепко ухватил меня за волосы и принялся быстро стричь, лязгая ножницами и бормоча себе под нос.

– Четвертый Наставник, и Пятый, и нынешний, все приходили такими же, как ты, удивленными мальчишками, плакали, расставаясь с мамочкой, и ежились от холода на этом камне. Если бы собрать вместе все волосы, которые я тут состриг, их бы хватило набить доверху Дом Собраний и еще бы осталось.

Руки у него были ледяные, а живот, то и дело упираясь в мое плечо, тоже излучал холод.

«Судя по его рассказам, – подумал я, – ему давно перевалило за сто лет. Кровь, наверное, уже не греет, из-за этого он так холоден».

– Встань и отряхнись, – приказал учитель Звулун.

Пока я отряхивался, проводя рукой по непривычно чистой голове, он достал метелку, аккуратно собрал с пола волосы.

– А теперь марш окунаться. В самый дальний бассейн отправляйся, в самый дальний.

Я пробежал по прохладным плитам пола и забрался в бассейн. Вода теперь не показалась мне такой холодной, я быстро окунулся семь раз и собрался выходить, как Звулун, нависая над краем бассейна, недовольно приказал:

– Восемнадцать раз окунаются, ты что, правил не знаешь?

– А отец говорил, что нужно семь, – возразил я.

– Это ему достаточно семи раз, а тебе полагается восемнадцать.

Я окунулся одиннадцать раз и снова собрался выходить, но Звулун опять остановил меня.

– Восемнадцать раз подряд это не семь и еще одиннадцать. Понимаешь?

– Нет.

– Я не могу тебе объяснять законы, пока ты обнажен. Спросишь об этом учителя на первом уроке общей духовности. А пока делай, что велю. Окунайся.

И я окунулся восемнадцать раз подряд.

– Запомни этот бассейн, – ворчливо произнес Звулун. – Он самый последний. Ты можешь окунаться только в нем. Чем выше ты станешь подниматься по духовой лестнице, тем в более близкий к источнику бассейн я буду тебя переводить.

– К какому источнику? – спросил я.

– Учитель Праведности обнаружил здесь подземный источник, вытекающий прямо из Рая. Его устье находится сейчас в стене первого бассейна, вон там, – и Звулун указал рукой на край зала, где рядом со стеной находился небольшого размера бассейн, куда с трудом мог поместиться человек.

– Этот бассейн очень узкий, но глубокий, и в нем окунаются только главы направлений и сам Наставник. Вода из него перетекает по трубе во второй бассейн, из третьего в четвертый, пока не добирается до последнего. Тыходишь в воду, которую успели освятить самые праведные люди в мире. Головой такого не понять, но душа, впитывая через кожу их святые эманации, сама учится.

– Чему учиться?

– Вылезай, – сердито оборвал меня Звулун. – Нескромно болтать без одежды.

Мы вернулись в каморку, и Звулун дал мне два хитона – коричневый и белый – два пояса и две шапочки таких же цветов.

– Белый – для молитв, общих собраний и трапез, коричневый – для всего прочего. Одевайся.

Я быстро надел коричневый хитон, подпоясался, прикрыл голову шапочкой. Звулун внимательно следил за моими действиями.

– Ну-ка, повернись, сынок, – сказал он, когда я, облаченный в есеевскую одежду, встал перед ним.

– Хорош, хорош, складный малый. Теперь садись на камень и слушай меня внимательно. Я уселся на камень и, помня о предыдущих словах Звулуна, принял царственную позу. Тот хмыкнул, и в его тусклых глазах мелькнуло нечто, напоминающее блеск улыбки.

– С этого момента ты ученик избранных. Что это значит?

Звулун прокашлялся. Ему было тяжело произносить длинные фразы, видимо, старческим легким не хватало воздуха.

– А вот что. Правила чистоты тебе объяснят на одном из первых уроков. Это очень жесткие и строгие правила. Их придерживаются только избранные. Поэтому любое прикосновение к язычнику, сыну Тьмы или простому есею делает тебя нечистым.

– Так я не смогу теперь поцеловать маму?

– Не сможешь. И обнять отца тоже не сможешь. И пожать руку другу детства. Больше того, их еда, их одежда, их ложа, их постели тоже запрещены. Тебе, в свою очередь, возбраняется прикасаться к избранным, чтобы не заставлять их проходить обряд очищения.

– Но верховный Терапевт меня трогал, а Наставник даже поцеловал! – вскричал я, нарушая царственную позу.

– Вот когда ты станешь главой направления, – в глазах Звулуна снова блеснуло подобие улыбки, – или Наставником, тогда будешь сам решать, что можно, а чего нельзя. А пока слушай меня и запоминай.

В общих трапезах ты пока не принимаешь участия. Стол для учеников стоит отдельно в боковой галерее. И упаси тебя Свет прикоснуться к подносу с хлебами для избранных. За такой проступок ты вылетишь из обители, как затычка из бочки.

Жить будешь в пещере первого этажа, вместе с двумя мальчиками твоего уровня. Но, в отличие от тебя, они в Кумране уже третий год. Успели пройти начальные стадии, через которые ты перескочил.

– А что это за стадии?

– Колоть дрова, убирать двор, носить воду, работать в хлеву, помогать пасечникам. И учиться. Наставник лично перевел тебя сразу на второй уровень. Ему видней, конечно.

Звулун неодобрительно pokrutil головой.

– Я бы такого шустрого мальчишку, как ты, послал бы на полгода носить воду для общественной кухни. А потом еще на полгода в хлев.

«Ох, как мне повезло, – подумал я, – что ты не Наставник».

– Распорядок дня в обители таков, – между тем продолжал Звулун. – Подъем перед восходом солнца по звуку паамона...

– А что такое паамон?

Звулун рассерженно посмотрел на меня.

– Написано в наших книгах: робкий не научится. Правильно написано. Ученик не должен быть робким. Но есть разница между любознательностью и настырностью.

– Так что же мне делать, учитель Звулун! Я так многого не знаю! Вот вы говорите «подъем по звуку паамона», но как же я поднимусь, если понятия не имею, что это за звук?

– Вот поэтому учеников начальной стадии и отряжают на кухню или в хлев. Ты ошибаешься, думая, будто тебе повезло.

Он выразительно посмотрел на меня, и я почувствовал, как румянец смущения заливал мои щеки. Неужели Звулун читает мои мысли? Или это случайно так получилось?

– Духовный подъем нельзя совершать прыжками. Каждую мелочь нужно прочувствовать кончиками пальцев, подошвами ног. Кстати, Шуа, вот твоя обувь.

Звулун достал из ниши грубые сандалии на толстой деревянной подошве.

– Старайся как можно больше ходить босиком. К прохладному полу подземелья ты привыкнешь быстро. Но пройдет немало лет, прежде ты сможешь разгуливать по всей обители без обуви.

Я вспомнил жар лестничных ступеней, неспешную поступь Терапевта и согласно кивнул.

– Итак, подъем по звуку паамона.

Звулун вопросительно посмотрел на меня, однако я предусмотрительно молчал.

– Сразу после пробуждения – омовение. Сон – шестидесятая часть смерти. Пока разум спит, смерть накладывает на тело свой отпечаток. Его необходимо смыть. Вместе с другими учениками ты дожидаясь, пока все избранные покинут зал.

Звулун ткнул пальцем в проем, отделяющий каморку от зала с бассейнами.

– Лишь после этого ты окунаешься в своем бассейне. Я еще раз напоминаю, только в своем. Затем молитва в Доме Собраний. Внутри ты не заходишь, для учеников твоего уровня есть отдельная комната. Она примыкает к общему залу, он для вас пока запрещен. Понятно?

– Понятно.

– После молитвы – совместная трапеза. Не забудь – твой стол – в боковой галерее. Держись возле учеников из твоей комнаты, они тебе все покажут.

После трапезы все переодеваются в коричневые туники и приступают к своим занятиям. Продвинутые братья уходят в пещеры для духовной работы. Менее продвинутые отправляются в хлев, на кухню, кузницу, пасеку. Ученики идут на уроки. Где проходят уроки, тебе будет сообщать попечитель накануне вечером.

Звулун окинул взглядом мое вытянувшееся лицо и добавил:

– Попечитель – это продвинутый ученик более высокого, чем у тебя, уровня. Уроки длятся до сумерек. По звуку паамона избранные снова окунаются, меняют одежду с коричневой на белую и собираются в Доме Собраний. После молитвы – ужин в общей столовой. Затем до утра все свободны. Ученики возвращаются в свою пещеру и повторяют выученное за день. Ты понял, Шуа?

– Понял, учитель Звулун.

Распорядок дня не оставлял малейшего места для игр, отдыха, дневного сна и всех тех приятных и привычных занятий, которыми до сих пор был заполнен мой день.

– Возьми вот это, – Звулун протянул мне маленькую деревянную лопатку, очень гладко оструганную и заполированную. Я сразу понял, для чего она нужна, быстро взял ее и спрятал под хитон.

– А теперь я отведу тебя в твою пещеру.

Мы вышли из каморки, миновали зал с бассейном и спустя несколько шагов оказались на улице. Солнце палило без всякой жалости, оно казалось не желтым, а ослепительно белым. Вместо того, чтобы повернуть направо, учитель Звулун двинулся влево. Пройдя шагов двадцать, он остановился и, вставив пальцы в едва заметные углубления в камне, толкнул плиту. Она повернулась с неожиданной легкостью, открыв темный проход.

– На первой развилке влево, – сказал Звулун.

Я вспомнил о фигуре в черном плаще и не двинулся с места.

– Ты плохо меня понял, Шуа?

– Нет, учитель Звулун.

– Иди же.

Я отрицательно помотал головой.

– Понятно, – едва заметно улыбнулся Звулун. – Страх подземелья. Все новички через это проходят. Ладно, ступай за мной.

Мы вошли внутрь, Звулун пропустил меня вперед и закрыл дверь. Прохлада и темнота окружили нас, словно ночь. Разница с раскаленной, залитой солнцем поверхностью была

огромной. Мы постояли немного, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и двинулись вперед.

Тускло освещенный коридор полого уходил вниз. Где-то вдалеке желтым столбиком стоял свет, падавший сквозь отверстие. Теперь я уже знал, что в подземелье таким образом освещаются развилки. Дойдя до нее, Звулун остановился.

– Прикоснись ладонью к правой стене, – сказал он. – Нет, выше, еще выше. Да, здесь. Что ты чувствуешь?

– Выступы. Камешки выступают из стены.

– Посчитай, сколько их.

– Один сверху. Три под ним. И еще два под ними.

– Запомни, Шуа. Число выступов в верхнем ряду означает этаж подземелья, на котором расположена развилка. Мы сейчас на первом этаже. Значит, из стены выступает один камешек. Второй ряд означает номер входной двери. В подземелье можно попасть через десять дверей. Все они начинаются в стенах обители. В северной, южной и западной. Дверей нет только в восточной стене. Постепенно ты выучишь, где находится каждая дверь, и будешь знать их, как пальцы на собственных руках. Три выступа означают, что мы вошли через третью дверь.

Последний ряд – это номер развилки. Нам нужна вторая. Войди в левый коридор и отсчитай семь шагов.

Я послушно выполнил его приказание и остановился.

– Пошарь рукой по стене. На том же уровне, где выступы. Нашел выемку?

Мои пальцы нащупали углубление. В нем были сделаны четыре ямочки, в которые удобно помещались пальцы, а пятым я уперся в стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.